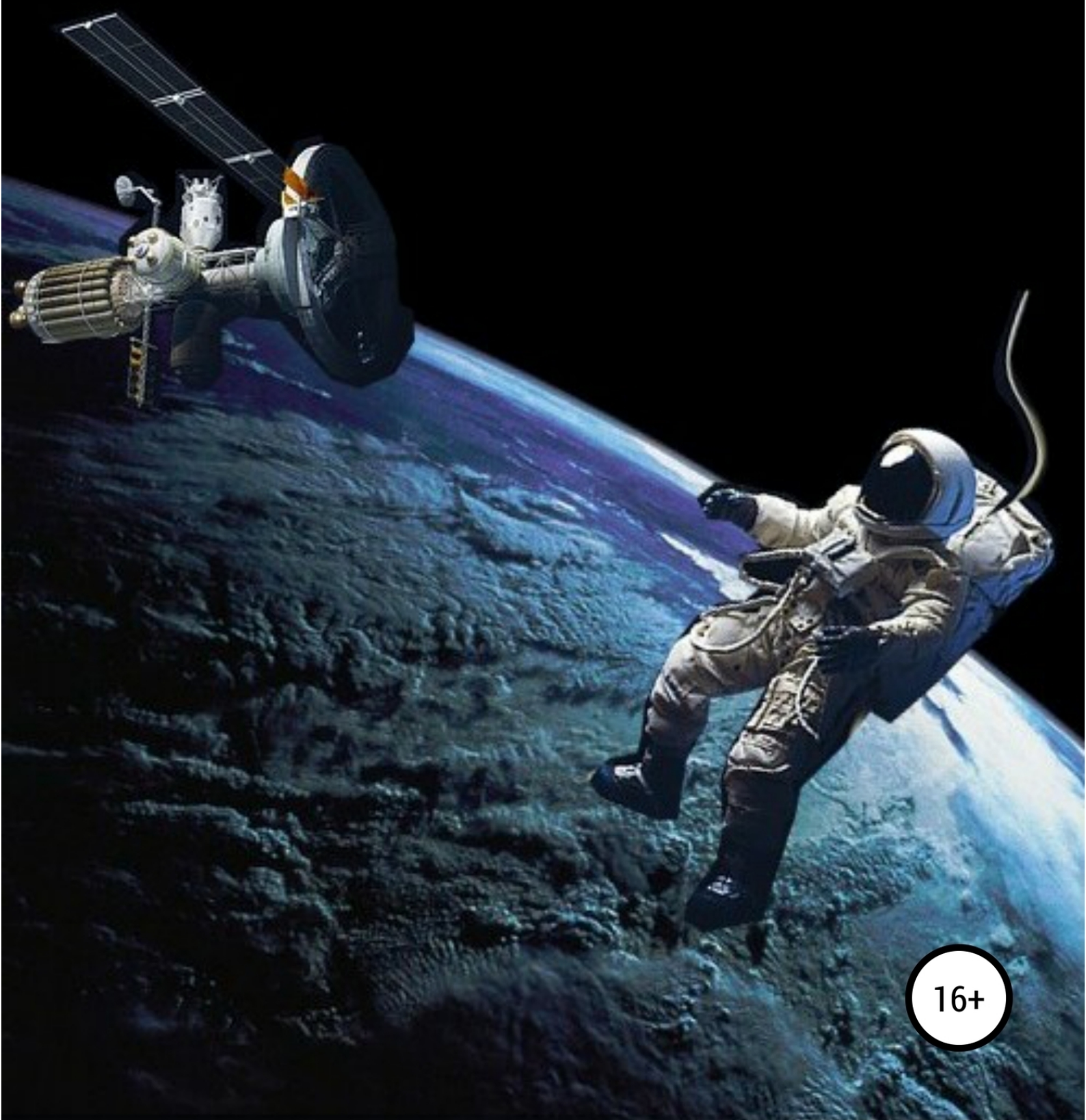

Вадим Тарасенко
Любимец Бога

16+

Вадим Тарасенко

Любимец Бога

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Тарасенко В. В.

Любимец Бога / В. В. Тарасенко — «ЛитРес: Самиздат», 2006

В начале XXIII века человечество оказалось в шаге от очередного прорыва в космос - прыжка в гиперпространство. Но сделать этот шаг, похоже, позволено лишь Любимцу Бога, найти которого среди миллиардов людей - та еще задача. Три великих супердержавы - Объединенная Русь, США и Китай яростно борются за шанс стать первыми в этой области. Кто же справится со сложнейшим экзаменом? И что ожидает людей, когда перед ними распахнется гиперпространство?

Этот роман создан в 2006 году. В нем описана моя мечта – Россия и Украина – единое государство – Объединенная Русь. Увы, Украина оказалась слабым звеном. Галичанский фашизм в ней взял вверх. Ошибся я и в отношении США, считая ее стратегическим союзником России против экспансии с Востока в лице Китая. Кто же думал, что американский истеблишмент окажется настолько глупым. Хотя... до описываемых событий больше полутора веков. Может история все же свернет в логически правильное русло. Я в это верю. Точнее, по Украине и России я в этом уверен. Мы просто обречены быть вместе. Мы – братские народы!

Любимец Бога

*Даже часы истории имеют своих часовщиков.
Богуслав Войнар, польский сатирик*

Вместо эпилога

«Боже, неужели получилось? Неужели я обманул их? Ну а Ты, Господи, надеюсь, не будешь возражать?»

– Назовите свое имя, год рождения, гражданство.

– Иван Антонович Ковзан, 2120 года рождения, гражданин Объединенной Руси.

– Добро пожаловать, Иван Антонович, во вторую жизнь.

«Боже, я прошел!!!»

Глава 1. Кто будет первым?

Каждый дурак знает, что до звезд не достать, а умные, не обращая внимания на дураков, пытаются.

Пол Андерсон, американский писатель-фантаст.

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 12 апреля 2190 года. Понедельник. 13.02 по средневропейскому времени (СЕВ).

Бело-голубой шар Земли красиво впечатался в черную бездну Космоса с четкими вкраплениями белых звезд. До него, казалось, было подать рукой. Особенно если взобраться на этот валун, одиноко лежащий на девственной поверхности Луны. Семен Петрович Богомазов в который раз наблюдал эту картину на мониторе в центре управления базой, и в который раз ловил себя на этом мальчишеском желании. Левее этого валуна пролегла натянутая струна бетонки, соединившая базу и космодром, который находился, казалось, у самого горизонта.

«Всё правильно. Радиус Луны почти в четыре раза меньше радиуса Земли. Значит и горизонт здесь в четыре раза ближе». Оживший динамик громкой связи прервал размышления начальника базы: «До посадки «Гермеса –5» осталось 300 секунд. Готовность номер один всем наземным службам».

– Сейчас мы его увидим, – раздался за спиной Богомазова голос главного инженера базы Коли Григорчука.

И словно желая подтвердить его слова, наружная видеокамера разглядела в черноте неба свода и послушно передала на монитор изображение блестевшего в лучах Солнца стального тела. Оно по размашистой дуге несло в сторону базы.

– Какого черта он не включает тормозной двигатель, – Семен Петрович нервно закусил губу, наблюдая за стремительным полетом–падением корабля.

– Это же рейс Ваньки–лихача. Семен, ты ведь знаешь его стиль – врубать движок при самом приземлении...фу ты – прилунении, – главный инженер базы также как и Богомазов впился глазами в экран.

– Вот накаたю на него жалобу в высшую аттестационную комиссию грузового космического флота, сразу охота лихачить пропадет. Чкалов хренов.

– Да чего ты так волнуешься. Это что, в первый раз? Ванька же ас. Посадит – комар носа не подточит.

– Вот именно, что в первый. Он же сейчас садится с ходу. Прямо с перелетной орбиты, не выходя на орбиталку. А одно дело гасить первую лунную космическую скорость – каких то чуть больше полутора¹ кмэ в секунду, другое – земную вторую космическую. А это уже одиннадцать и две.

Пилот космического корабля словно почувствовал раздражение начальника крупнейшей лунной базы Руси. Мощный столб пламени вырвался из дюз корабля и он сразу же будто споткнулся. Размашистая дуга полета стала скукоживаться, скорость замедляться.

– А зачем такая спешка? – главный инженер, оторвавшись от монитора, удивленно посмотрел на Богомазова.

– Эвакуационной и грузовой службам выдвинуться на линию ожидания, – динамик громкой связи, чеканя каждое слово, координировал работу десятков людей.

– Он гиперпространственный движок к нам тащит, – выслушав сообщение громкой связи, ответил начальник базы. – А там же этот доходяга – нейтринный излучатель. У него срок автономии без подпитки тридцать шесть часов. Так что после приземления «Гермеса – 5» остается около часа, что бы запитать этот излучатель от нашего главного генератора.

– Так для транспортировки к нам таких движков сделан корабль «Геракл»? У него для этих целей и специальный генератор поставлен, помощней нашего на базе будет.

– Сразу видно, человек недавно вернулся из отпуска. Зайди в наш бар. И там за кружкой «Оболони» Коля Васнецов в лицах расскажет и покажет, как доблестный Шведов, космический волк экстра–класса, покоритель Нептуна и несметного количества женских сердец и прочая, прочая, прочая умудрился так «Геракл» хряпнуть о бетонку на «Селене», что раньше чем через год наш «Геракл» ни на какие подвиги не будет способен. Корма у него смята. А без кормы, – Богомазов, шутя, стукнул себя пониже спины, – и не туды, и не сюды.

– Ну и подождали б годик, – смеясь, предложил Григорчук. – К чему такая спешка? Москве что, не терпится еще пару триллионов рублей выкинуть?

– На этот раз не только рублей.

– Не только? – главный инженер вскинул удивленный взгляд на начальника базы. – А что еще?

Между тем корабль, полностью погасив горизонтальную составляющую скорости, с выключенным маршевым двигателем, падал, словно в замедленной съемке, по отвесной прямой на Луну. Несколько раз пыхнули рулевые движки, ставя корабль в вертикальное положение.

«Сколько уже на базе, а никак не могу привыкнуть к здешним фокусам тяготения. Если на Земле сто метров пролетаются за четыре с половиной секунды, то на Луне на это требуется почти тридцать секунд. Выспаться можно», – Богомазов внимательно смотрел за эволюциями корабля.

В сотне метров от поверхности из-под низа корабля вновь ударил яркий столб пламени. И вот стодвадцатитонная машина плавно опустилась на бетон космодрома, чуть присев на опорах–амортизаторах.

– Вот сукин сын! Посадил точно над газоотводными отверстиями. Без всякой корректировки. Циркач! – Богомазов довольно потер руки.

– А ты- жалобу в ГКФ. Это же талант.

– Эвакуационной службе сосредоточиться у пассажирского выхода. Грузовой – у грузового стапеля, – вновь рявкнул динамик громкой связи.

– Талант... Эх, если бы Русь–матушка могла часть своих талантов конвертировать в организованность. Где бы мы уже были! Ладно, Коля, пошли встречать груз. Не дай Бог, запорем нейтринный излучатель – на Землю пешком отправят. Без скафандра...

И уже в лифте, спускаясь на нулевой этаж, добавил:

– Я не успел тебя после твоего отпуска ввести в курс дела. Так вот, на этот раз нам поручена сборка пилотируемого гиперпространственного корабля.

– Это что, на нем человек полетит?

– Точно.

– Угробят же человека. Ни разу еще успешного пуска не было.

– Наверху виднее. Наше дело маленькое – собрать корабль.

...Миллисекундная серия радиоимпульсов скользнула с поверхности Луны, чтобы мгновение спустя, отразившись от американского селеностационарного спутника-ретранслятора «STILL – 2», отскочить в сторону Земли и ударить узким лучом по параболической антенне. Еще через мгновение один из компьютеров Агентства Национальной Безопасности США перевел электромагнитные колебания на человеческий язык. А еще спустя два часа было принято решение – об этом должен срочно узнать Президент Соединенных Штатов Америки.

Соединенные Штаты Америки. Вашингтон. Белый дом. Овальный кабинет. 13 апреля 2190 года. Вторник. 15.34 по местному времени.

– Здравствуй, Билл, – молодежавый седеющий брюнет лет сорока пяти пружинисто встал из-за стола и шагнул навстречу вошедшему – атлетически сложенному пятидесятилетнему мужчине с пронзительно голубыми глазами, сверкавшими на загорелом лице.

– Здравствуйте, господин Президент, – вошедший свободно и в тоже время подчеркнуто почтительно пожал хозяину кабинета руку.

– Что значит хорошо отдохнуть. Не успел прилететь с австралийских пляжей, как тут же напряг свое ведомство, ну и Президента заодно, – хозяин кабинета коротко рассмеялся. Его глаза, в диссонанс общему выражению лица, смотрели настороженно-вопросительно.

Президент недолюбливал своего Главного Шпиона, как недолюбливает каждый начальник своего профессионально более опытного подчиненного. Недолюбливал, но полностью был согласен со своим отцом, сказавшем о Билле Реде: «Такие люди на вес золота. И я бы очень хотел, что бы он был в твоей команде». Да что там говорить, своим креслом в Овальном кабинете семьдесят четвертый Президент Соединенных Штатов Америки был полностью обязан главе Центрального Разведывательного Управления.

– Если бы вы, господин Президент обо мне никогда не вспоминали... ну или хотя бы вспоминали раз в четыре года, – голубые глаза Главного Шпиона безмятежно смотрели на Чейза, – я был бы счастлив – Соединенным Штатам ничто не угрожает.

«...или хотя бы раз в четыре года» – весьма прозрачный намек на мои выборы. Сукин сын!»

– Но увы, мы слишком богаты и могущественны. Поэтому враги у нас должны быть по определению. И поэтому я у вас, господин Президент, частый гость.

Стивен Чейз, не спеша, вновь опустился в свое кресло, жестом пригласив Реда сесть напротив:

– Рассказывай, – коротко бросил он.

– Русичи начали строительство очередного гиперпространственного корабля, – сказав это, директор ЦРУ сделал паузу, приглашая Президента высказать свое мнение.

– Честно говоря, Билл, – помолчав, начал осторожно хозяин кабинета, – я не понимаю твоей озабоченности. Или они совершили прорыв в этой области и строят принципиально новый корабль, способный, наконец, нормально нырнуть в это чертово гиперпространство?

– По моим данным, конструкция главного маршевого двигателя ничем принципиальным не отличается от двигателя Хейнштейна–Солева, разработанного совместно нами, европейцами и русичами в проекте «Надежда».

– Тогда я тем более не понимаю твоего беспокойства, Билл. Насколько мне помнится, первый совместный беспилотный корабль взорвался при попытке преодолеть гиперпорог. Ученые интенсивнее пошевелили своими извилинами и поняли, что создаваемое окно перехода слишком узко. И корабль попросту не вписался в него. Та часть, что не вписалась, осталась в обычном измерении, остальное ухнуло в тартарары. Расширили окно перехода, и второй совместный корабль благополучно нырнул в гиперпространство. Но больше от него не поступило и бита информации. Хотя по программе, через минуту его бортовой компьютер должен был осуществить обратный переход. И корабль должен был вынырнуть где-то за орбитой Нептуна. Но он так и не появился. Потом и мы, и русичи, уже самостоятельно запустили по беспилотному кораблю – результат аналогичен предыдущему. Так что тебя беспокоит? Если русичи хотят швырнуть неизвестно куда пару триллионов долларов – это их личное дело.

– Господин Президент неплохо знаком с историей этого вопроса, – губы директора ЦРУ тронула едва заметная усмешка.

– Да, я неплохо знаком с этим вопросом, впрочем, как и со многими другими, – после небольшой паузы добавил Чейз. – При отце, как ты помнишь, я курировал, в том числе и стратегические разработки. Но мы отвлеклись. Так что тебя волнует?

– Русичи строят корабль, пилотируемый человеком.

– Что?! У них камикадзе завелись? Впрочем, не удивительно. Русичи чем-то сродни японцам – склонны к фанатизму.

– Точнее, японцы похожи на русичей. Но в данном случае ни о каком фанатизме речь не идет. Русичи совершили прорыв, но не в конструировании гиперпространственных двигателей, а в изучении общих свойств гиперпространства. Они, наверное, поняли, что произошло с предыдущими гиперпространственными кораблями, а главное как, всё-таки, вернуться назад, в обычное пространство.

– И что ты намерен предпринять?

Директор ЦРУ, чуть прищутив глаза, долгим взглядом посмотрел на Президента:

– Когда русичи первые вывели своего человека в Космос, Америка сделала надлежащие выводы. Через семь лет мы обогнали русичей, высадив Армстронга на Луну, и с тех пор лидерства в этой области уже не упустили – первый корабль многоразового использования, первая экспедиция на Марс, первый пилотируемый полет к дальним планетам – везде мы были первыми. И я не думаю, что семьдесят четвертый президент Соединенных Штатов Америки захочет войти в историю, как Президент, при котором США утратили свои лидирующие позиции в этом сверхстратегическом направлении.

– И всё же, что ты намерен предпринять?

– Для начала всё точно выяснить. Русичи собирают корабль на своей лунной базе «Восток». У нас там есть свои уши. Плюс необходимо направить туда нашего лунного атташе. В соответствии с Конвенцией о Космосе они обязаны его пустить. Вот пусть он и убедится, что на базе у русичей никакого оружия нет, ну и заодно про гиперверик что-нибудь выяснит, – начальник главного разведывательного ведомства страны чуть улыбнулся.

– Если мы даже оперативно выведем необходимую информацию, русичей мы не опередим. Они уже корабль строят, – хозяин кабинета вопросительно посмотрел на Реда.

– В таком сложном проекте, как строительство гиперпространственного корабля, всё предусмотреть невозможно. Сбои в работе, срыв графика поставок комплектующих, да мало

ли что еще. Я, господин Президент, даже уверен, что так оно и будет, – в глазах у главного шпиона плескалась голубая безмятежность. – К тому же есть еще одно соображение, позволяющее нам смотреть на эту проблему, скажем так, более оптимистично.

– Какое? – по-мальчишечьи нетерпеливо спросило первое лицо государства.

– Русичи строят пилотируемый корабль. Чтобы нырнуть в гиперпространство и вынырнуть из него, присутствие человека, в принципе, не обязательно. Всё сделает автоматика. Но русичам, почему-то, там нужен человек. Значит всё дело в человеке, особом человеке, способном сделать то, чего не может современная электроника. А человек... ммм, не слишком стойкий материал.

Стивен Чейз, глядя на индикатор контроля блокирования информации, медленно произнес:

– Хорошо Билл. Начинай действовать, но... на каждый сбой у русичей ты должен получить у меня разрешение.

– Слушаюсь, господин Президент.

Уже выходя из Овального кабинета, директор ЦРУ обернулся и, кивнув на индикатор контроля блокировки, сказал:

– Не волнуйтесь, господин Президент. Большой Бэби ни о чем не узнает. Хотя для процветания страны можно и пожертвовать своим личным бессмертием. До свидания, господин Президент.

– До свидания, Билл.

«Сукин сын! – глаза Президента вновь скользнули по зеленому глазку индикатора. – Как подел: «Хотя для процветания страны можно и пожертвовать своим личным бессмертием».

Мысли Президента невольно обратились к тому, что стало, начиная с двадцать второго столетия, самым важным для человечества. Достижения геной инженерии, нейрофизиологии и вычислительной техники позволили человечеству в двадцать втором веке отнять у Всевышнего монополию на бессмертие. Даровалась такая привилегия далеко не всем. А достигалась тем, что люди научились записывать и сохранять информацию, которую мозг воспринимал за весь срок человеческой жизни. Поскольку человеческое «Я» – это совокупность информации, хранящейся в мозге, то избранные определялись после анализа всей информации, записанной крохотным чипом, вживляемым в мозг каждого человека в годовалом возрасте. Этот чип, официально называемый «чипом сбора информации» и единодушно прозванный во всем мире «надсмотрщиком», запоминал все, что думал, видел, слышал, делал человек на протяжении всей своей жизни. Каждый вздох, каждая мысль, каждый поступок фиксировался бесстрастной электроникой. Кроме того, этот маленький «надсмотрщик» ежесекундно контролировал жизнедеятельность всех органов человека. И, если что не так, тут же посылал сигнал тревоги, и умные приборы начинали отчаянную борьбу за жизнь и здоровье своих создателей. Благодаря этому, средняя продолжительность жизни человека уверенно перевалила отметку в сто лет.

Раз в год, в День Веселья информация с «надсмотрщика» сбрасывалась на специальный диск. Один человек – один диск. И если специальный Компьютер Организации Объединенных Наций на основе анализа информации вживленного чипа решал, что конкретный человек почти исчерпал свой жизненный ресурс, то мгновенно просуммировав всё плохое и хорошее, что успел сделать человек за всю свою жизнь, выносился предварительный вердикт – достоин или не достоин этот человек второй жизни. Официально этот компьютер почтительно называли Главным – с большой буквы. Главный Компьютер ООН. Неофициально он получил прозвище Большой Бэби. Большой – за его размеры. Здание, где он размещался, ничем не уступало знаменитому стоэтажному прямоугольнику штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. Ну а Бэби... – только дети могут быть столь безапелляционны и безжалостны в своих решениях.

Вердикт Главного Компьютера тут же отправлялся в Совет Развития ООН. Так что, если древние египтяне представляли перед своим главным богом со свитком папируса, на котором

были начертаны их деяния, то современный человек предстал перед своим главным богом – Советом Развития со своим диском.

На Земле в двадцать втором веке насчитывалось двенадцать миллиардов человек и, несмотря на большую продолжительность жизни, ежедневно умирало их более трехсот тысяч. Поэтому Совет Развития в подавляющем большинстве случаев просто подмахивал то, что подсовывала ему электронная машина. Заминки случались лишь тогда, когда вердикт Большого Компьютера для известных личностей был отрицателен. Только в этом случае члены Совета Развития пытались еще во что-то вникнуть. А так – всё решала Машина.

Стивен Чейз по многочисленным фильмам, статьям, книгам хорошо знал технологию обретения второй жизни. Одновременно с сообщением счастливицу о благоприятном для него решении, в Центр Обновления Человека направлялся заказ на выращивание клона этого человека. Генный материал для этого заготавливался еще раньше, одновременно с вживлением в него «надсмотрщика». Но, если женщине для вынашивания ребенка требуется девять месяцев, то Главному Инкубатору Центра Обновления – всего три недели. И в день он может «родить» до десяти клонов. Затем клон перемещается в Инкубатор Дорастивания, где за семь месяцев он достигает биологического возраста в двадцать один год. На всё про всё расходуется около двух килограммов «ускорителя жизни» – волшебного вещества просто баснословной стоимости даже по меркам двадцать второго века. Попутно с дорастиванием в мозг клона вгоняется информация с диска человека. Некоторая мелочь отсеивается, пройдя «Фильтры Времени» Большого Бэби. Остается только то, что превысило определенный эмоциональный барьер. Старое одряхлевшее тело и мозг усыпляют, параллельно записывая информацию о последних мгновениях в новый мозг. Связующим мостиком между первой и второй жизнью, своего рода ключом перехода служит бессмертный монолог шекспировского Гамлета «Быть или не быть». К середине его старый мозг окончательно усыпляют, и новый человек заканчивает монолог розовым упругим языком.

Крупным государственным деятелям: президентам, премьер-министрам, высокопоставленным силовикам дана была привилегия – в их рабочих кабинетах можно было включить специальный кодированный ультразвуковой сигнал, который воспринимался и записывался чипами людей, находящихся там. Когда информация, с таким наложенным сигналом попадала в Главный Компьютер, она блокировалась и, хотя запоминалась, но анализу не подвергалась. Эдакая модернизированная дипломатическая неприкосновенность. Королева вне подозрений.

Глаза Президента США невольно обращаются к индикатору блокировки – современной индульгенции отпущения грехов. – А если русичи нас обойдут? Обойдут при моем президентстве? Опять эти русичи. Вечно они не дают спать спокойно Президенту Соединенных Штатов Америки».

Объединенная Русь. Россия. Москва. Кремль. Рабочий кабинет Президента Объединенной Руси. За два с лишним года до описываемых событий. 2 апреля 2188 года. Среда. 20.45 по местному времени.

Запоздалый, холодный весенний ветер бушевал над древней столицей Объединенной Руси. С воем несся он вдоль пустынных московских улиц, словно ища жертву. Его мощные порывы хлестали невозмутимые стены домов, бились в лобовые стекла автомобилей, пытались достать укрывшихся в них людей. Но человечество давно уже научилось справляться с такими капризами погоды. В комфортабельных жилищах умная электроника поддерживала уютные двадцать три – двадцать четыре градуса. И поэтому, казалось, неугомонное дитя атмосферы бесновалось еще больше, одновременно жалуясь далеким и равнодушно-холодным звездам. Впрочем нет. Несколько огромных красных звезд были и близки, и отнюдь не холодны. Звезды, не гаснувшие несколько веков, ставшие уже талисманом столицы, гордо сияли над Кремлем.

Это был символ власти над одной шестой частью земного шара. Сама власть располагалась чуть ниже в роскошных старинных кабинетах. Эти кабинеты видели много, казалось, воздух здесь еще вырывался предсмертным хрипом царевича Ивана, убитого своим отцом Иваном Грозным, или звучал веселыми голосами военачальников, победивших во Второй мировой войне. В этих кабинетах творилась История.

– Здравствуйте, Сергей Павлович, – Президент Объединенной Руси Владимир Сергеевич Орлов, невысокий, крепко сложенный, начинающий лысеть мужчина, встретил гостя у дверей своего кабинета.

– Здравствуйте, Владимир Сергеевич, – пожилой, грузный человек с венчиком седых волос, окаймляющих обширную лысину, заведующий лабораторией общей физики Сергей Павлович Хохлов пожал протянутую руку.

– Присаживайтесь, – Орлов жестом указал на диван.

– Ну а теперь, изложите суть дела, о котором вы отказались сообщить даже моему секретарю. Не доверились вы ни видеофону, ни записке на мое имя. Сказали только, что речь будет идти о гиперпространстве. Признаться, только ваш авторитет ученого заставил меня согласиться на встречу с вами, – Президент улыбнулся.

– Благодарю, Владимир Сергеевич, за эту встречу, которая состоялась вопреки принятым правилам. Но моя информация настолько важна, что я решил исключить любую возможность ее утечки.

– Сейчас вы говорите не как ученый, а как разведчик.

– Тоже достойная профессия.

– Начинайте, Сергей Павлович, времени у нас немного. Насколько я понимаю, речь будет идти о сложных физических явлениях? Поэтому просьба говорить проще. Я хоть и закончил МГУ, но отнюдь не физфак или мехмат, – Президент чуть виновато улыбнулся. – Мне необходимо понять суть, чтобы принять правильное решение.

– Постараюсь, Владимир Сергеевич, – гость тоже улыбнулся. – Представьте себе футбольный мяч. Его объем – это наша трехмерная Вселенная. При создании теории гиперпространства предполагалось, что оно изотропно, как и обычное пространство, и коррелятивно по отношению к нему.

– Сергей Павлович, вернитесь, пожалуйста, к футбольному языку, а то я покажу вам желтую карточку, – Президент опять улыбнулся.

– Нет, нет. Я буду дисциплинированным игроком, – мужчины рассмеялись, поняв друг друга – в молодые годы будущий Президент Объединенной Руси довольно успешно играл в футбол и даже одно время был нападающим в сборной России.

Промокнув лысину платком, Хохлов продолжил:

– Другими словами предполагалось, что гиперпространство похоже на обычное пространство и, что принципиально важно, каждой точке обычного пространства соответствует строго определенная точка гиперпространства. Иными словами, если мы проткнем футбольный мяч в какой-нибудь точке и начнем двигаться внутри него строго через его центр, то окажемся на противоположной стороне мяча, точно напротив входа.

– А сейчас вы попытаетесь доказать мне, что это не так, – лицо Президента стало озабоченным.

– Понимаете, Владимир Сергеевич, я так настойчиво добивался встречи не для того, что бы посвящать вас в проблемы современной физики. Я глубоко убежден, что решение проблемы гиперпространства – это...

– Реальная возможность вновь обрести лидерство в стратегическом направлении – освоении Космоса.

– Да, именно это я и хотел вам сказать.

Собеседники взволнованно переглянулись – они поняли друг друга. Ощущение того, что их страна должна играть более значительную роль в мире, чувство неудовлетворенности положением Руси, чуть утоленное в середине двадцатого века, все сильнее и сильнее пропитывало подсознание этого славянского этноса. Давно был преодолен духовный кризис конца двадцатого века, связанный с распадом некогда могучей империи СССР. В стране уже созрела и укоренилась национальная идея – стать первой и наиболее влиятельной силой, которая бы определяла развитие земной цивилизации.

Уже в конце двадцать первого столетия правительства Украины и Российской Конфедерации, включавшей в себя на то время Белоруссию и Казахстан, пришли к выводу, что для дальнейшего развития, для более эффективного противостояния экономической экспансии западноевропейских государств и Китая следует объединиться в единый Союз. Был проведен всенародный референдум, постановивший быть Российско-Украинскому Союзу (сокращенно РУС). От этой аббревиатуры до нового названия «Объединенная Русь», которое устраивало всех, было рукой подать. Через несколько лет кропотливой бумажной работы новое государство – Объединенная Русь появилось на политической карте мира. Высшим Органом управления стал Совет Президентов, состоящий из президентов России, Белоруссии, Казахстана и Украины. Председателем Президентского Совета или Президентом Объединенной Руси избирался один из четырех Президентов в ходе всеобщих выборов. Два года назад Президентом Объединенной Руси был избран Президент России Владимир Сергеевич Орлов.

Первым справился с собой Президент:

– Поэтому, Сергей Павлович, спокойно излагайте ваши соображения только, по возможности, футбольным языком, – Президент страны вновь улыбнулся.

– Так вот. То, что гиперпространство обладает абсолютно другими свойствами, чем обычное трехмерное пространство, я предположил после фиаско с первым международным гиперпространственным кораблем «Надежда». Как вы помните, окно перехода в гиперпространство для «Надежды» оказалось мало. И часть корабля осталась в обычном пространстве. Внешне это выглядело, как мгновенное разрушение конструкции корабля. Размеры окна перехода, а, следовательно, необходимый импульс гиперпространственного двигателя рассчитывается на основе уравнения перехода Солева–Хейнштейна. Тогда большинство физиков предположили, что причиной неудачи послужила недостаточная точность в вычислении некоторых коэффициентов в этом уравнении – так называемых коэффициентов тонких структур вакуума. Мощность импульса подняли на тридцать процентов, размеры окна увеличились, и следующий международный корабль «Гея» благополучно вошел в гиперпространство. А потом просто–напросто исчез. В предполагаемой точке выхода его так и не обнаружили. То же самое произошло и с нашим и с американским кораблями. Каждый из них успешно создавал окно перехода и исчезал. Это и заставило меня предположить, что созданная теория гиперпространства, мягко говоря, неверна.

Старинные напольные часы, не спеша, пробили девять раз.

– И вы создали новую теорию?

– Ну, не в полностью законченном виде, но уже позволяющую решить, вернее, сделать существенный прорыв в решении проблемы гиперпространства.

– И в чем же суть вашей теории?

– Я предположил, что гиперпространство по сравнению с обычным пространством имеет значительно меньшую корреляцию, то есть меньшую связь, чем предполагалось. То есть, система уравнений, описывающая связь между пространством и гиперпространством, должна иметь множество решений. Тогда легко объясняется ненахождение гиперпространственных кораблей в заданных точках Космоса. Они, попросту, появлялись не там. А искать объект двадцать третьей звездной величины по всему небосводу... Найти, по сравнению с этим, иголку в стоге сена – детская забава. Кроме того, чтобы объяснить расхождение в размерах окон

перехода между теорией и практикой, я ввел понятие относительного скольжения наших пространств. Я пока понятно объясняю?

– Продолжайте.

– Словом, я попытался составить систему уравнений, аналогичную системе уравнений Солева – Хейнштейна, но с учетом вышеприведенных высказываний.

– И вы ее составили.

– Составил.

– И какие выводы?

Грузный мужчина очередной раз промокнул свою лысину платком и начал осторожно:

– Владимир Сергеевич, я, естественно, могу ошибаться, но по моим расчетам существует только одна модель структуры гиперпространства, удовлетворяющая моим уравнениям. Это модель сложноупорядоченного вращающегося пространства с детерминированными информационными каналами.

– А вот теперь непонятно, – простодушно сказал Президент.

– Если бы пространство внутри футбольного мяча представляло собой тело, пронизанное множеством тоннелей различной конфигурации и длины. К тому же это тело вращается по случайному, с точки зрения стороннего наблюдателя, закону. Поэтому, когда и наши, и американские корабли попадали в это тело, они «выныривали» обратно в различных точках, даже если бы входили в гиперпространство в одной и той же точке. Всё определяется тоннелем, вход которого оказывался в данный момент времени «напротив» точки входа корабля. Гиперпространство-то вращается. И этим же вращением объясняется расхождение в величине окон перехода. Размеры окон мы вычисляли правильно. Но они-то движутся. Это всё равно, что с движущейся платформы прыгнуть в просвет между балками железнодорожного моста, не учитывая скорость платформы.

– Так. Ясно. А что значат ваши слова «тело вращается по случайному, с точки зрения стороннего наблюдателя, закону»?

– Видите ли, в решении моей системы уравнений появился «хвостик», представляющий собой так называемую неопределенность второго порядка Гейзенберга – Джонсона. Это означает, что для внешнего наблюдателя тело в гиперпространстве движется необъяснимо. Причины и следствия в гиперпространстве для внешнего наблюдателя не связаны между собой.

– Похоже на то, как человек совершает неожиданный поступок, необъяснимый с точки зрения других людей. Им абсолютно неизвестны причины, побудившие человека поступить именно так. Я правильно трактую ваши слова?

Хохлов удивленно взглянул на Президента и после некоторой паузы произнес:

– Слишком правильно.

– То есть?

– Я не успел развить свою мысль. Вы меня опередили. На основании моих выкладок получается, что гиперпространство – это сложноупорядоченная структура, имеющая неопределенность второго порядка в макромасштабах, я бы даже сказал – в мегамасштабах. Следовательно, у него должен быть очень сложный, неоднозначный алгоритм поведения в ответ на различные входные возмущения. Пока науке известна лишь одна подобная макроструктура, правда значительно меньших размеров.

– Какая?

– Биологическая.

– Вы хотите сказать, что гиперпространство – живое существо?

– Учитывая его размеры и сложность, я думаю правильнее сказать – разумное существо.

– Высший Разум?

– Да, – коротко и тихо прозвучало в кремлевском кабинете.

– То есть это Бог? – задал вопрос Президент Объединенной Руси.

– Всё зависит от того, что вы подразумеваете под этим словом, – последовал ответ.

– Бог – это Тот, Кто создал всё. Всю Вселенную.

– Тогда это Бог.

– Получается, что вы Его вычислили?

– Не совсем так. Как вы знаете, десять лет назад, в докладе от имени Клуба «Ведущих ученых планеты» была доказана необходимость Управляющего Фактора для образования и устойчивого существования нашего Мира. Иными словами, доказана необходимость существования Высшего Разума.

– Я читал этот доклад. И вы, насколько я помню, состоите в этом Клубе?

– Имею честь.

– Значит, десять лет назад вы совместно с другими учеными доказали существование Бога, а теперь и вычислили Его местонахождение. Вычислили Его прописку.

– Ну, это смело сказано...

– Сергей Павлович, я не собираюсь проверять вашу скромность. Я хочу понять, что вы на самом деле открыли и насколько вы сами убеждены в этом. Поэтому спрашиваю вас еще раз. Вы утверждаете, что гиперпространство – это физическая сущность Бога?

– Да, Владимир Сергеевич. Я в этом убежден.

В кремлевском кабинете надолго повисла тишина, нарушаемая лишь размеренными ударами часов, озвучивающими ускользящий бег времени.

– Теперь понятны слова Библии, что Бог вездесущ, – наконец произнес глава государства.

– Любая точка пространства имеет множество своих отображений в гиперпространстве.

– Следовательно, если гиперпространство – это Бог, то, посылая туда свои корабли, мы зондировали Бога? – Президент откинулся на спинку кресла.

– Выходит так.

– И вы пришли ко мне, что бы предостеречь от дальнейших шагов в этом направлении?

– Наоборот.

– Не понял.

– Бог, или скажем так – гиперпространство пока никак не выказывало своего недовольства нашим зондированием.

– Может, Он слишком терпелив? – Президент чуть дрогнувшими уголками губ обозначил свою улыбку.

– Конечно, может быть и так. Но тогда, я думаю, Он потерпит еще.

– Бог всемилостив?

– Да. Но, я думаю, дело в другом. Если проанализировать историю, то можно заметить, что как только человечество достигает очередной ступени своего развития, Бог корректирует, направляет дальнейший ход цивилизации. Вернее, задает правила игры на новом уровне.

– Как задает?

– Христос, Магомет, Будда. Список Задающих Правила уже довольно велик. Мы прошли уже большую часть своего пути, на котором я бы выделил шесть уровней.

– Шесть уровней?

– Первый уровень – каменный век. Второй – бронзовый. Третий – железный. Четвертый – век промышленной революции. Человечество овладело электричеством, изобрело пароходы, паровозы, сумело подняться в воздух, завело себе любимца – автомобиль. Пятый уровень – атомно-компьютерный. Люди овладели энергией атомного ядра и обзавелись еще одним любимцем – компьютером. Шестой уровень – это наш – генетический. Мы можем из неживого создавать живое, научились создавать человека, в конце концов.

– А седьмой, это божественный уровень?

– Возможно, – академик пожал плечами. – Но если под словом «божественный» понимать “райский”, то я не уверен. Манну небесную человечество еще долго не будет получать... Я

боюсь, что оно никогда ее не получит, – после паузы добавил Хохлов. – Хотя есть люди, считающие, что Бог создал человека, чтобы скрасить свое существование. Что-то вроде домашнего любимца, о котором пекутся лишь оттого, что он ласковый и нежный.

– А вы как считаете?

– Вот слетаем к Нему, может быть и узнаем. И я думаю, что каждый новый уровень будет сложнее предыдущего.

– Это уж точно, – согласился Президент. – Если он так со скрипом начинается, то что будет дальше?

– А он и не начался, Владимир Сергеевич. Это еще так – прелюдия.

– И что же человечество должно еще совершить, чтобы открылся новый уровень?

– Послать в гиперпространство корабль с разумным существом на борту.

– То есть с человеком?

– Конечно, – Хохлов уверенно подтвердил сказанное. – Это будет сигнал, что мы созрели для нового уровня.

– А если корабль с человеком, как и беспилотные корабли, заблудится в гиперпространстве?

– Надо послать не простого человека. Надо послать любимца. Любимца Бога.

Глава 2. Любимец Бога.

Брось везунчика в воду, и он выплывет с рыбой в зубах.

Юлиан Тувим.

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 13 апреля 2190 года. Вторник. 10.12 по СЕВ.

– Здравствуйте, Семен Петрович.

– Здравствуйте, господин Директор Службы безопасности.

«Специально выбрал такой ракурс видеокамеры, чтобы еще раз подчеркнуть свое положение», – начальник лунной базы «Восток» Богомазов с некоторой тревогой смотрел на экран монитора. А как тут не тревожиться, если его экстренно вызвал на связь сам Кедрин, Директор Службы Безопасности?

На экране величественно раскинулся огромный, если мерять лунными мерками, кабинет. Кедрин сидел за своим массивным, старинной работы, столом.

– У меня для вас, Семен Петрович, неприятное известие, – Кедрин сделал паузу и чуть улыбнулся, – к вам едет ревизор. Если точнее – летит.

– Спасибо за предупреждение, – Богомазов облизнул пересохшие губы.

– Ну, благодарить меня не стоит. Ревизор-то американец, поэтому я сам кровно заинтересован, что бы всё у вас прошло тип-топ.

Секундная пауза, требующаяся для преодоления радиоволнами трехсот восьмидесяти тысяч километров между Луной и Землей, создавала иллюзию, что собеседники ведут разговор, тщательно подбирая слова.

– Американец? – начальник базы удивленно поднял брови. – Моя же база для их спутников как на ладони. Блоки накачки отсутствуют. Или они думают, что боевые лазеры мы сможем запитать нашей дохлой электростанцией?

– А может они думают, что коварные русичи изобрели что-то принципиально новое и только выжидают удобного случая, чтобы воткнуть топор войны в спину миролюбивым янки? – Кедрин вновь чуть заметно улыбнулся.

– Господин Директор, это связано с гиперпространственным двигателем? – интуитивно угадал Богомазов.

– Семен Петрович, у меня есть веские причины предполагать, что с вашей базы имеется утечка информации.

– Я могу узнать эти причины?

– Причина одна. Одиннадцатого к вам прибывает гиперпространственный двигатель, а двенадцатого госдеп США официально ставит нас в известность о предстоящей инспекции вашей базы.

– Может совпадение? – как и любой нормальный руководитель, Богомазов попытался защитить своих подчиненных.

– Вашу базу не проверяли пять лет. Вы сами только что назвали причины, по которым она не интересна американцам. Нет, Семен Петрович, я не верю в такие совпадения.

– Пять лет назад базу также инспектировали из-за гиперпространственного корабля.

– Тогда мы и не скрывали, что готовим свой беспилотный вариант. А в этот раз информация о нашем новом проекте была тщательно засекречена. И почти два года, пока собирались отдельные элементы корабля, американцы об этом не знали. Но стоило гиперпространственному двигателю очутиться на вашей базе, и американцы тут же направили к вам инспекцию.

– Но еще раньше сюда прибыл жилой отсек корабля. И американцы ничего.

– Значит, кто-то раньше не знал, что жилой отсек относится к новому кораблю, – после некоторой паузы произнес Кедрин.

Богомазов на этот раз ничего не возразил. Доказательств, что не с его базы ушла информация к американцам, у него не было. Да и уверенности тоже. А спорить без веских аргументов с Директором Службы безопасности – себе дороже. У него рабочий стол больше, чем у начальника лунной базы кабинет.

– Как я понимаю, спрятать гиперпространственный движок от американцев у вас не получится?

– Так точно. Даже если бы у меня был какой-нибудь подвал, то всё равно – движок элементарно вычисляется электромагнитным датчиком.

– А экранировать?

– Нечем, да и времени, наверное, уже нет. Когда прилетает инспекция?

– Пятнадцатого, послезавтра, в десять утра по средневропейскому времени. Председатель инспекции – лунный атташе американцев Джордж Питсроу.

– Питсроу не Питсроу, а движок они увидят. Никуда не денешься, – констатировал Богомазов.

– Семен Петрович, в общем-то, не в двигателе дело. Необходимо скрыть, что жилой отсек будет стыковаться с этим гиперпространственным двигателем.

– Это легко. Мы кой-какие приготовления для их сборки сделали, но до пятнадцатого всё можно вернуть в исходное состояние.

– Вот и отлично. Главное, Семен Петрович, чтобы американцы не узнали, что мы хотим послать в гипер человека. Ясно?

– Ясно, – коротко ответил Богомазов.

– Ну, а я приму все меры, чтобы вычислить «крота».

«Неужели у меня завелся «крот»? – глядя на потухший экран видеофона, думал начальник лунной базы.

И уже нажимая кнопку общего сбора всех ведущих специалистов базы для постановки задачи на сегодняшнюю ночь, он неожиданно подумал: «А всё же, кто прыгнет в гиперпространство? Сдается мне, что это не совсем обычный человек. Можно сказать – совсем необычный».

Почему он так решил, Богомазов не знал. Вот почувствовал и всё. Интуиция. А интуиции начальник лунной базы доверял. И пока она еще ни разу его не подводила.

Объединенная Русь. Украина, река Припять. Район г. Славутича, Киевской обл. За пятнадцать лет до описываемых событий. 20 мая 2175 года. Воскресенье. 12.10 по местному времени.

Солнце, казалось, было намертво приколочено к блекло-голубому выцветшему небу. Под его давящими лучами замерла вся жизнь. На зеленом лугу не шелухнется ни один стебелек. Ни одна птица не чертит голубой холст неба. Серая ящерица, распластавшись на обжигающей земле, застыла в настороженном оцепенении. Лишь горячий воздух неслышно струится от земли вверх. Но вот, почувствовав чье-то приближение, ящерица юркнула под раскаленный солнцем камень. По проселочной дороге, медленно шла группа четырнадцатилетних ребят. Впереди них шел высокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти с абсолютно седой головой.

– Опять этот забег «Победителя». В других школах сдал экзамены и гуляй всё лето до сентября. А у нас нет. Директор еще забег придумал, – невысокий плотный паренек с оттопыренными ушами шепотом возмущался, обращаясь к двум другим, идущим рядом. – И пилить к старту чёрте сколько от дороги. Как будто нельзя сюда на электроциклах доехать.

– А мне нравится, – возразил тоже невысокий, но худошавый паренек. – Победил – и на последнем звонке танцуешь с любой девчонкой на выбор. А в следующем году сразу сто баллов в твой призовой фонд. А они на вступительных экзаменах лишними не будут. Правильно я говорю, Серый? – он обратился к третьему попутчику, шагавшему рядом.

Высокий, с выгоревшими на солнце кудрями парень равнодушно пожал плечами.

– А ему всё равно, – хмыкнул крепыш. – Ему мать всё равно не разрешит танцевать с девчонками. Потому как – это грех. А поступить в вуз ему Бог поможет. А, Серый?

Кучерявый паренек спокойным взглядом окинул крепыша.

– Я хочу бежать. Потому что это воспитывает дух. Баллы тоже пригодятся. А с девчонками танцевать не грех. Грех... – паренек запнулся, – грех думать о них не скромно.

– О, насчет баллов, это что-то новенькое у тебя, – не унимался крепыш. – Правильно. На аллаха надейся, а ишака привязывай, – он начал было смеяться, но вовремя спохватился, зажав рот рукой.

Затем испуганно посмотрел на шагавшего впереди мужчину. Тот, очевидно, ничего не слышал.

Наконец группа ребят вышла к крутому берегу реки.

– Стой! – подал команду мужчина. – В одну шеренгу становись!

Ребята быстро, сразу видно, что часто тренировались, выстроились в одну шеренгу.

– По порядку номеров рассчитайсь! – тут же последовала новая команда.

– Первый!

– Второй!

– Третий!

– Двадцать пятый! – последним громко выкрикнул тот самый невысокий худошавый паренек.

И тут же, сделав шаг вперед, добавил:

– Расчет окончен! Седьмой «А» класс в количестве двадцати пяти человек к забегу «Победитель» готов!

Он сделал шаг назад.

– Итак, ребята, – седой мужчина, привычно заложив руки за спину, пошел неспешным шагом вдоль шеренги. – Сегодня вы примите участие в очередном забеге «Победитель». Я тут слышал отдельные недовольные высказывания, – мужчина остановился и еще раз окинул

взглядом замерших ребят. – Наша цивилизация очень гуманна по отношению к отдельному человеку. Мы это можем себе позволить – быть гуманными. Мы можем позволить себе содержать до тридцати процентов взрослых мужиков и женщин, которые ничего не делают. Мы это можем позволить, благодаря нашим предкам, которые были и жестокими, и далеко не гуманными. Но они построили цивилизацию. Великую цивилизацию. А сейчас с нас могут содрать майку лидера вместе с кожей. События последних двух веков, а особенно нашего – яркое тому подтверждение. Уже давно нет Израиля – утонул в арабском море. Нет Греции – поглощена турками. В средиземноморских европейских странах большинство населения уже не белые. В итоге во Франции президент–мусульманин. А наш Дальний Восток? Вы все смотрите телевизор и читаете газеты. Бесперывные столкновения с китайцами. Во многих малых городах мэр – китаец. Ребята, поверьте, на долю именно вашего поколения может выпасть историческая миссия – или отстоять нашу, белую цивилизацию или окончательно проиграть. Интеллекта нам хватает. Нам не хватает воли к победе. За столетия сытой жизни мы размякли и изнежились. Если мы хотим выжить, мы должны вновь научиться быть сильными, волевыми и даже жестокими для достижения своих целей. И научиться переносить тяготы и лишения. Увы, без этого мы не обойдемся. И я хочу, чтобы этот забег, трудный забег, послужил толчком к осмыслению жизни. И столь высокие баллы победителю должны вам внушить, что в дальнейшем вновь будут в цене целеустремленность, твердость характера, выносливость. Вот, пожалуй, и всё. Теперь вкратце некоторые технические детали. Вы должны прыгнуть вниз с этого крутого берега и переплыть реку. Ее ширина в этом месте триста пятьдесят метров. На другом берегу, в семи километрах от реки, если двигаться вон по той тропинке, видите, – мужчина рукой указал на противоположный берег, где еле видимым разрежением травы угадывалась тропка, – растет дуб. Вы должны добежать до этого дуба. На его ветвях привязаны ровно двадцать пять оранжевых ленточек. Каждый срывает ленту и возвращается назад. Как только вы передаете мне в руки ленточку, вы переходите в следующий класс. Вопросы?

Шеренга молчала. Наконец один шагнул вперед:

– А бежать в чем, Сергей Николаевич? Бежать придется по полю. Босиком нельзя – ноги собьем. Не плыть же в обуви?

– Каждый эту проблему решает, как хочет. Можете плыть в обуви, можете ее сбросить. Можете плыть и держать обувь в руке. Еще вопросы?

Шеренга окончательно застыла.

– Что ж, если вопросов больше нет, – директор школы сделал паузу, а затем неожиданно обыденным тоном добавил, – тогда побежали.

Несколько секунд всё стояли неподвижно. Затем строй мгновенно сломался, и группа рванула к реке. С высокого обрыва в мягкий песок все прыгнули почти одновременно. Двадцать пять бурунов устремились к другому берегу. Еще не успевшая нагреться после зимы вода обжигала тело. Первым на берег выскочил крепыш с оттопыренными ушами. На ходу стаскивая мокрую футболку, он помчался по пунктиру тропинки. Следом бросились остальные. Воздух жадно вбрасывался в легкие, словно в топку, чтобы через секунду быть выброшенным назад. Высокая трава секла ноги, мешая бежать. Через пару километров ребята выстроились в рваную линию. Впереди мчался всё тот же крепыш, тяжело впечатывая подошвы мокрых кроссовок в землю. За ним, отстав метров на тридцать, легко бежал Сергей, который не позволял себе думать о девчонках нескромно. Невысокий худощавый паренек, споривший с лопухим крепышом, бежал шестым. Вот показался и дуб. С его нижних веток, словно фантастические сосульки, свисали оранжевые ленты. Подбежав к дереву, крепыш, чуть подпрыгнув, схватил руками одну из них и рванул вниз. Материя не выдержала и лопнула. Зажав обрывок ленты в руке, парень бросился назад. Практически сразу за ним в воздух взвился легкий Сергей. Рывок руками, треск материи, и второй мальчик устремился обратно к реке. Худощавый паренек к

дубу подбежал уже четвертым. Легко сорвав свою оранжевую ленту, он бросился вдогонку за первой тройкой.

Обратные семь километров внесли значительные коррективы в тройку лидеров. Сергей обогнал крепыша и первым нырнул в реку. Тяжелым пушечным ядром бухнулся в реку второй. Бежавший четвертым парень сумел обойти ближайшего бегуна и практически бесшумно нырнул в реку третьим.

Второй заплыв на триста пятьдесят метров дался значительно труднее первого. Крепыш вновь обошел Сергея и первым, пошатываясь, выбрался на берег. Впереди, в двадцати шагах, вздымался неприступной стеной берег, усеянный, как оспинами, гнездами береговых ласточек. В метрах ста ниже по течению, к воде спускалась тропинка, больше похожая на слаломный спуск. Но другого пути наверх не было. Четырнадцатилетний мужчина тяжелой трусцой направился к ней. Позади, в пяти шагах, бежал Сергей. Когда на берег выбрался худощавый парнишка, двойка лидеров уже подбегала к заветному пути наверх. Парень сделал шаг в их сторону. Затем, сбросив набухшие от воды кроссовки, неожиданно устремился прямо на крутой откос. Голые ноги глубоко проваливаясь в рыхлый песок, отчаянно толкали бегуна вверх, по крутому склону. Рывок, еще один – дальше откос переходил в откровенную вертикаль. Глаза мальчишки в отчаянии заматались по сторонам. Крепыш и Сергей, практически сравнявшись, уже поднялись до середины тропы. Еще пара ребят выскочили из воды и устремились к заветной тропинке. В пяти шагах от худощавого паренька из гнезда вылетела птица и закружила над ним, издавая тревожные крики. Невольно глаза мальчишки сосредоточились на том месте, откуда она появилась. Там вода от недавнего дождя, сбегая вниз, вымыла небольшую расщелину. Повинуясь безотчетному импульсу, паренек устремился к ней. Небольшая мальчишечья ступня с трудом уместилась в вымоине. Но песок под другой ногой не выдержал и стал медленно оседать. Мгновение, другое и это неспешное сползание превратилось в стремительное падение вниз. Паренек что-то промычал нечленораздельное. Еще сильнее загалдели над головой птицы. Мышцы живота судорожно сжались, стремясь остановить неизбежное падение. Левая нога засучила по стенке, сметая песчаные неровности, пытаясь найти надежную точку опоры. Мальчишечьи кулачки намертво сжали пучки травы. Та затрещала, не в силах выдержать тяжести тела. Неожиданно левая нога нащупала точку опоры – гнездо береговой ласточки. Толчок и вот уже мальчишка перекатился через край. Обессиленный, оглушенный птичьими криками он словно волчонок, сжимая в зубах ленточку, встал на четвереньки и огляделся. Сергей, преодолев обрыв, устремился к учителю. За ним, сопя, топотал раскрасневшийся лопухий крепыш. Седой мужчина, прищурившись, с интересом смотрел на стоящего на четвереньках пацана, в десяти шагах от него. Тот снова, что-то промычав, спотыкаясь, помогая себе руками, ничего не видя перед собой, устремился к нему. Голова с маху налетела на что-то твердое, и паренек с силой боднул препятствие. Оно не поддалось. Упав на колени, парень посмотрел вверх. Перед ним стоял учитель. Висевшее над его головой солнце слепило глаза. Сбоку уже набегал Сергей, вытягивая вперед руку с зажатой лентой. Твердая мужская рука протянулась к лицу парня. Больно, раздирая в кровь губы, что-то ударило ему по зубам – с силой выдернутая изо рта лента взвилась вверх.

Ласточки долго еще не могли успокоиться, носясь в воздухе и возбужденно галдя. На желтом песке обреченно белели два крошечных птичьих яйца, выпавших из обрушенного мальчишечьей ногой гнезда.

– Ма, но это же не честно, – Сергей расстроено смотрел на мать, сидевшую за компьютером. – Я должен был выиграть этот забег. Я должен был стать победителем. Борьке просто повезло. Мы же сколько раз были на том берегу. На обрыв нельзя залезть. Только по тропинке. А тут прошел этот дождь, и он умудрился заметить эту вымоину. Да если б не ласточка, он

бы в жизни ее не заметил. Он мне сам потом об этом сказал, – выпалив всё это, мальчишка отвернулся.

Женщина встала из-за стола и обняла сына.

– Не расстраивайся, Сереженька. Ты же знаешь, на всё воля Божья. Значит, так было угодно Ему. Угодно, чтобы выиграл Борис.

– Почему угодно? – Сергей резко высвободился из объятий матери и теперь смотрел на неё полными слез глазами. – Он даже Ему не молится и в церковь не ходит.

– Бог не должен перед нами отчитываться. Это мы должны, – несколько сурово произнесла мать. Затем, смягчившись, вновь обняла сына и добавила:

– Может Он испытывает тебя, испытывает твою любовь к Нему. Ничего, сыночек, ты у меня хороший. Будешь Ему верно служить, и Бог тебя заметит. Обязательно заметит.

Объединенная Русь. Россия. Москва. Кремль. Малый зал совещаний Президента. За два с лишним года до описываемых событий. 7 апреля 2188 года. Понедельник. 11.18 по местному времени.

Весеннее солнце ярко заливало зал, словно пыталось своими лучами дотронуться до раскинувшегося за окнами великолепия. Отделанные дорогими тканями, ценными породами дерева и полудрагоценными камнями стены, огромная хрустальная люстра, свисающая с искусно расписанного потолка, зеркального блеска паркет.

Но, несомненно, главной достопримечательностью был стол – огромный, массивный, уверенно захвативший более половины площади зала. При его виде на ум сразу приходило одно слово: «Державный». Он был как бы материальным воплощением термина «Большая политика».

– Присаживайтесь, господа, – Владимир Сергеевич Орлов, Президент Объединенной Руси, жестом указал вошедшим шести мужчинам на кресла, стоявшие вокруг державного стола.

Очередной раунд Большой политики начался.

Дождавшись, когда гости расселись и стих неизбежный легкий шум, он продолжил:

– А теперь, господа, попрошу приготовить ваши ноутбуки к работе и подключить их к моему компьютеру. Пароль входа – слово «Сигнал».

Невидимые электромагнитные лучи из шести ноутбуков скрестились на компьютере Президента. Информация, закодированная в их колебаниях, была тут же проанализирована. Электронный мозг вынес вердикт «Свои» и открыл электронные «ворота» – на мониторах членов Совета Безопасности Объединенной Руси на фоне Герба Объединенной Руси высветилось: «Код введен правильно. Доступ к персональному компьютеру Президента получен».

Орлов легким касанием указательного пальца ткнул еще одну клавишу на своей клавиатуре.

– Прошу ознакомиться с этим документом.

На шести мониторах тотчас появилось изображение документа, сверху которого красными буквами было выведено: «Личный архив Президента Объединенной Руси». А в верхнем правом углу монитора замигала таким же красным цветом надпись: «Копирование запрещено!»

Шесть пар глаз напряженно заскользили по тексту.

Через десять минут Президент продолжил:

– Это стенограмма моего вчерашнего разговора с академиком Хохловым. Для начала попрошу откровенно высказаться по содержанию этой беседы. Начнем по часовой стрелке. Начинайте, Павел Иванович.

Вице-президент Объединенной Руси, он же премьер-министр, Павел Иванович Короленько, еще раз скользнув глазами по тексту и откашлявшись, медленно, с паузами заговорил:

– Насчет правильности или неправильности соображений Сергея Павловича Хохлова ... Я не физик, поэтому я полностью доверяю его выводам. Вы, как я понимаю, Владимир Сергеевич, ожидаете от меня соображений по поводу того, какие перспективы несет нам это открытие, – взглянув на Президента и получив утвердительный кивок головой, вице-президент продолжил. – Перспективы же открываются, я не побоюсь этого слова, громадные. Назову навскидку. Быстрая и дешевая транспортировка водорода с Юпитера. А в условиях уже практически нулевых запасов нефти мы тут же получаем стратегическое преимущество. К тому же термоядерные электростанции станут в несколько раз рентабельней. Дальше развивать мысль по этому направлению не буду – и так всё понятно. Это первое. Второе. Реальная перспектива освоения нами, я подчеркиваю, нами Дальнего Космоса. А по Нью-Йоркской Конвенции стране, открывшей любой неизвестный ранее объект и построившей на его поверхности базу, принадлежит половина его территории. Имея надежное гиперпространственное сообщение, мы, как Англия, бывшая в семнадцатом – девятнадцатом столетиях владычицей морей, станем владычицей Дальнего Космоса. Ну и, очевидно, что это открытие, как хороший локомотив потянет за собой тяжеловесный состав новых открытий в фундаментальной физике. Пока, пожалуй, всё.

– Спасибо, Павел Иванович. Прошу вас, Игорь Петрович, – Орлов привычно исполнял роль председательствующего.

Министр обороны Игорь Петрович Круглов снял свои массивные очки в строгой черной оправе и, положив их рядом с ноутбуком, заговорил с легкой хрипотцой:

– Я, как и Павел Иванович, благоразумно воздержусь от анализа выводов академика Хохлова – не мой уровень. А насчет перспектив этого открытия скажу только одно – при его реализации, я думаю, китайцы, наконец, согласятся с тем, что Забайкалье – это исконно российские земли и хотя сейчас там китайцы численно преобладают, ни о какой автономии этого края речь идти не может. И великий Китай пусть остается великим до Амура. У меня всё, – с этими словами министр обороны вновь надел свои массивные очки.

Легкий шум в зале наглядно демонстрировал, что слова министра обороны пришлись по душе всем. Могучий юго-восточный сосед, казалось, мертвой хваткой десятков миллионов своих шуплых, невысоких, но хитрых и упорных подданных, вцепился в Забайкалье. В старинных кремлевских кабинетах уже отчетливо слышали еще далекий, но грозный шум, похожий на полет полчищ саранчи – многомиллиардный Китай давил на Русь. Давил дешевыми товарами, неприхотливой рабочей силой, давил улыбчивыми, почтительными дипломатами и многомиллионной, вымуштрованной армией. Под этим натиском православные храмы на Дальнем Востоке превращались в буддийские, а привычную глазу кириллицу вытесняли китайские иероглифы. Дальневосточная проблема постепенно сплелась в гордиев узел, который, как известно, развязывается только одним способом ...

– Спасибо Игорь Петрович. Теперь вы, Вениамин Олегович.

Высокий, респектабельный, чуть полноватый министр внутренних дел Бакатин неторопливо проговорил:

– Мне трудно судить, впрочем как и всем присутствующим в зале, о правильности выводов академика. Если они верны, то перспективы, открывающиеся перед нами, уже обрисовали выступавшие до меня. Но опять же, если они верны. Поэтому, на мой взгляд, необходима тщательная экспертиза выводов многоуважаемого академика Хохлова нашими ведущими институтами в этой области.

– Правильно, совершенно правильно, – сухонький, подвижный министр стратегических исследований Олег Павлович Крутиков, не дожидаясь когда ему предоставит слово Президент, с ходу пустился в карьер, – Выводы академика Хохлова необходимо проверить. Я несколько не подвергаю сомнению его научный авторитет, но без серьезного, глубокого анализа его сообра-

жений, идти в этом направлении и вкладывать большие материальные средства, по крайней мере, неосторожно.

– А проводить серьезный и глубокий анализ вы, конечно, будете в Институте теоретической физики? – премьер-министр даже не пытался скрыть иронию.

– В этой области – это самое авторитетное научное учреждение.

– Особенно, когда оттуда был изгнан академик Хохлов, – второе лицо в государстве продолжал заседать на министра стратегических исследований.

У последнего на худом, аскетичном лице стали проступать красные пятна:

– Я понимаю, о чем вы... Но на увольнении академика из Института теоретической физики настаивал не только его директор, но и большинство коллектива.

– Насчет директора – вы правы. Хохлов постоянно критиковал Солева за мелкотемье, неумение сориентировать институт на решение узловых проблем. А насчет коллектива... – вице-президент сделал паузу.

– Насчет коллектива разрешите сказать мне, – вступил в разговор плотный, коренастый, свободно откинувшийся на спинку кресла тридцатипятилетний человек с ежиком абсолютно седых волос.

– Прошу, Вадим Александрович.

– По роду занимаемой должности, я обязан знать всё, – Директор Службы безопасности Вадим Александрович Кедрин чуть улыбнулся и посмотрел на Президента. Тот улыбнулся в ответ. – Поэтому я могу внести полную ясность в историю волеизъявления славного коллектива Института теоретической физики. Цена свое и ваше время, уважаемые господа, скажу коротко. На коллектив было оказано давление. Добавлю – изошренное давление. Мне приводить факты, Олег Павлович?

– Не стоит, – после паузы, наконец, выдал из себя министр стратегических исследований, не рискнув состязаться с Директором СБ.

– Но личные симпатии и антипатии, а также исследование грязи в человеческих отношениях – слишком мелко для нашего совещания, – продолжил Директор Службы безопасности. – Насколько я понял, полезность и важность открытия академика Хохлова ни у кого не вызывает сомнения, кроме Олега Павловича. Сомнение – вещь полезная. Я сам часто сомневаюсь. Конечно, можно, как настаивает Олег Павлович, провести экспертизу открытия Хохлова. Но вот сможет ли ее провести Институт теоретической физики? Теперь сомневаюсь я.

Президент выжидающе посмотрел на Крутикова. Тот сосредоточился на экране своего ноутбука.

– Вадим Александрович, что вы имеете в виду? – Орлов перевел взгляд на своего главного шпиона. – В словах Олега Павловича есть смысл. Доверяться выводам одного человека в столь важном вопросе... – Президент паузой приглашал Кедрина аргументировать свои слова.

– Насколько я знаю, последней каплей, из-за чего ушел академик Хохлов из института, явились его разногласия с академиком Солевым по принципиальной схеме гиперпространственного двигателя.

– И Солев оказался прав! – цвет лица Крутикова возвращался к обычному. – Американцы пошли по такому же точно пути. Недаром везде этот двигатель называют двигателем Солева – Хейнштейна.

– А вот китайцы пошли своим путем, – спокойно выслушав реплику министра стратегических исследований, продолжил Кедрин.

– Что? – Президент всем корпусом резко подался вперед. – У Китая же нет гиперевика.

– Не было, – спокойно уточнил Директор Службы безопасности. – Сегодня, час назад они успешно провели наземные испытания своего гиперпространственного двигателя.

– Когда вы узнали об этом? – Президент, не меняя своей напряженной позы, смотрел на Кедрина.

– О том, что в Китае ведутся исследования по созданию гиперпространственного двигателя, мой предшественник докладывал вашему предшественнику, еще пять лет назад. Но мы считали, что китайцы разрабатывают такую же схему двигателя, как мы и американцы. И, следовательно, им еще идти по этому пути года два.

– Что же помогло им так ускориться? Произошла утечка информации по двигателю? От нас или американцев?

– Информацию о том, что китайцы уже на пороге автономных испытаний, я получил десять дней назад.

– Почему же не доложили?

– Перепроверял. Слишком невероятной мне показалась эта информация. Задействовал всё возможные агентурные и технические каналы.

– И что же выяснили?

– Выяснил, что такое ускорение работ китайцев не связано с какими-либо утечками информации ни от нас, ни от американцев.

– Уверены?

– Да, господин Президент, – твердо ответил Директор Службы безопасности. – Наша информация им попросту не нужна. Они разработали принципиально новую схему гиперпространственного двигателя, которая требует решения значительно меньшего количества чисто технических проблем. В частности, для этой схемы не требуется разработка материала, имеющего сверхпроводимость при тысяче градусов Цельсия. А только на его разработку мы потратили почти два года.

– И что же это за схема?

– Это схема, которую еще восемь лет назад предлагал академик Хохлов, и которая Институтом теоретической физики была признана бесперспективной. А наша Служба тогда поверила выводам этого института, и когда мы узнали, что китайцы начали разработку своего гипердвигателя, то подумали, что они идут тем же путем, которым шли мы. И потому плотно не держали руку на их пульсе, а могли бы. Сейчас-то мы всё выяснили за неделю. Поэтому я и сомневаюсь в возможностях Института теоретической физики провести объективную экспертизу открытия Хохлова.

В зале заседаний повисла тишина.

– Сергей Петрович, – Президент посмотрел на министра иностранных дел, – только вы ещё не высказались.

– Ко всему сказанному я хочу только добавить, что научный авторитет академика Хохлова в мировом сообществе весьма высок, – министр иностранных дел Сергей Петрович Панин говорил бесстрастно, упершись взглядом в экран своего ноутбука.

– А его авторитет никто и не подвергает сомнению, Сергей Петрович, – не дождавшись, когда закончит Панин, перебив его, Олег Павлович Крутиков бросился вновь отстаивать свою точку зрения. – Я только говорю, что необходима квалифицированная научная экспертиза его выводов.

Не меняя тона и всё так же спокойно глядя в экран, министр иностранных дел продолжал:

– Мой хороший друг, президент Французской академии наук, мсье Франсуа Виньон, физик по образованию, недавно в частной беседе сказал, что после того, как Хохлов ушел из Института теоретической физики, посещать сайт этого института ему стало неинтересно.

– Ну и пусть не посещает!

– Мне больше добавить нечего, господин Президент, – Панин, наконец, оторвавшись от экрана, посмотрел на Орлова, никак не реагируя на последнюю реплику министра стратегических исследований.

И вновь в зале совещаний повисла тишина.

– Так какое же решение мы примем? – наконец прервал ее глава государства.

– А что тут решать? – министр обороны, зажав в кулаке, словно кастет, свои массивные очки, обвел взглядом всех присутствующих. – Я предлагаю немедленно начать работы по реализации предложений академика Хохлова.

– В реализацию входит разработка гиперпространственного двигателя по схеме Хохлова? – уточнил Кедрин.

– Нет, – тут же отреагировал Президент. – Мы должны делать всё быстро. И в данном случае, мы вполне можем обойтись двигателем Солева – Хейнштейна. Двигатель по схеме Хохлова мы разрабатывать тоже будем, но параллельно. Пилотируемый корабль мы сделаем под уже отлаженный движок. Вам, Олег Павлович, даю два месяца на проработку общей конструкции будущего корабля. В первую очередь меня интересует, во сколько это обойдется. Вам хватит времени, Олег Павлович? – Президент вопросительно посмотрел на министра стратегических исследований.

Тот, раздавленный последней информацией Директора Службы безопасности, лишь слабо кивнул головой.

– Отлично. А вам, Вадим Александрович, отводится такой же срок на поиск любимцев Бога, – теперь Президент вопросительно посмотрел на Кедрину.

Директор Службы безопасности молчал, сосредоточенно о чем-то размышляя.

– Отлично, – еще раз произнес Орлов. После получения от вас предварительных результатов, я выношу этот вопрос на Совет Президентов, – он сделал паузу. – И последнее, что я хотел сказать, прежде чем закрою это совещание, – Президент сделал паузу, обвел глазами всех присутствующих и вновь заговорил, тщательно подбирая слова. – Если предположения академика Хохлова верны насчет разумности гиперпространства, и что это и есть вместилище Высшего Разума и наш, я подчеркиваю, наш представитель первый туда заглянет, то станет понятным представление наших предков об особенном пути Руси. И если, как говорится, как корабль назовешь, так он и поплывет, то я предлагаю будущий гиперпространственный корабль назвать «Прорыв», а сам проект... – Президент на мгновение задумался, – а проект назвать «Пора». Пора человечеству подниматься на новый уровень. Пора Руси выполнять свою историческую роль. Пора ей становиться мировым лидером, в конце концов. Возражений нет?

– Против мирового лидерства? – Короленко улыбнулся. – Никаких!

Все рассмеялись.

– Вот собственно и всё. Вопросы будут? – веселыми глазами Орлов обвел присутствующих.

– Как искать любимца Бога? Сейчас это ключевое звено, – Директор Службы безопасности вопросительно смотрел на Президента.

Из личного Архива Президента Объединенной Руси.

Конфиденциально.

Президенту Объединенной Руси
господину Владимиру Сергеевичу ОРЛОВУ

Служебная записка.

Уважаемый Владимир Сергеевич. С удовольствием откликаюсь на Вашу просьбу и привожу основные критерии выбора любимца Бога в рамках программы «Пора».

Прежде всего следует сказать, что удача, везение многими людьми сейчас, а в особенности в древности (наши предки были ближе к Богу – детям легче поверить в чудеса, чем взрослым!) воспринимались как такая же характеристика человека как, например, мужество, ум и т.д.

Я проанализировал многие случаи различных видов проявления удачливости и везения с точки зрения вероятности наступления таких событий (более полный и всесторонний математический анализ я предлагаю провести в рамках программы «Пора») и пришел к глубокому убеждению, что частота возникновения таких событий при данном количестве населения Земли должна быть намного меньше наблюдаемой. Например, чудесным, невероятным, с точки зрения человека, способом отдельные люди должны были бы избегать неминуемой смерти намного реже, чем зафиксировала история. Отдельный пример. В последнем крупном военном конфликте на Земле – Второй мировой войне было зафиксированы случаи спасения пилотов после прыжка их со сбитого самолета с нераскрывшимся парашютом. Я примерно подсчитал общее количество вылетов, сделанных за всю войну, количество сбитых самолетов, построил приблизительную модель падения человека с самолета, определил факторы, влияющие на исход падения. Затем определил сочетание и величину тех факторов, при которых возможно спасение. (Все эти данные и методики расчета в приложении к этой записке. При Вашем желании, их могут проверить независимые специалисты). Мои расчеты показывают, что таких чудесных спасений должно быть максимум три-четыре. Их же, достоверно зафиксированных было девятнадцать! (К слову сказать, на долю бывшего СССР пришлось четырнадцать таких случаев. На долю союзников – один, у них было сравнительно малое общее количество вылетов. Остальные – Германия. Кстати, еще один повод задуматься над тем, кто вел более справедливую войну, и к кому были благосклонны Высшие Силы). Отсюда можно сделать вывод, что в подсчете вероятности спасения не учитывается еще какой-то фактор. Я утверждаю, что этот фактор – целенаправленное вмешательство в ход событий Силы, способной изменять (по крайней мере в локальный промежуток времени и в локальном объеме пространства) действие известных нам законов. К примеру закон тяготения и (или) физиологию человека. Без введения этого предположения невозможно объяснить, например, спасение английского пилота Николаса Элкимейда, упавшего с нераскрытым парашютом с высоты пяти с лишним километров во всего лишь полутораметровый сугроб. Другими словами, в событие вмешался Бог.

Поиски любимцев Бога я предлагаю проводить среди следующих групп:

1. Выживших после аварий или катастроф природного или техногенного характера.
2. Выигравших крупные призы в различного рода лотереях.
3. Выздоровевших после тяжелых болезней, безнадежных, с точки зрения медицины.

Количественные критерии отбора (например, какую катастрофу считать чрезвычайно опасной, а какую нет, какой выигрыш считать крупным и т.д.) должны быть уточнены после сбора и обработки всего массива информации по данному вопросу.

При поисках любимцев Бога (господин Президент, я намеренно не ставлю этот термин в кавычки. Я убежден – любимец Бога – это такое же реальное, без всяких условностей понятие как, например, гениальность!) особое внимание следует обратить на такое понятие как синхронность событий. Поясню на примере.

5 декабря 1664 года у побережья Уэльса затонул пассажирский корабль. Погибли все члены экипажа и пассажиры, кроме одного. Счастливчика звали Хью Уильямс. Более века спустя, 5 декабря 1785 года, на этом же месте потерпело крушение другое судно. И вновь спасся единственный человек по имени Хью Уильямс. В 1860–м, опять–таки 5 декабря, здесь же пошла ко дну рыбацкая шхуна. В живых остался только один рыбак. Его звали Хью Уильямс!

Для объяснения таких невероятных совпадений знаменитый ученый двадцатого века, нобелевский лауреат Вольфганг Паули и не менее знаменитый психолог Карл Густав Юнг ввели понятие синхронности. Юнг, к слову, мистик и иррационалист, говорил о том, что совпадения – это маленькие чудеса, которыми космос отвечает на глубинную потребность человеческой психики. Паули, в свою очередь, считал, что никак на первый взгляд не связанные, произвольно совпадающие события на самом деле имеют общую причину, которую невозможно установить из-за несовершенства познания физических законов, правящих миром. И он был

прав! Причина, которую и сейчас невозможно распознать из-за нашего незнания еще многих законов мироздания – это Высшие Силы. Это Бог. По большому счету, феномен синхронности – одно из проявлений Высших Сил, которые помогают человеку сделать правильный выбор в опасной для жизни ситуации.

Я не берусь сейчас объяснить почему, например, имя Хью Уильямса так привлекательно для Бога. Но если нельзя объяснить явление, его всё равно следует учитывать. Поэтому я предлагаю, при поиске любимцев Бога обращать внимание на их имена и фамилии. И проверять, не было ли в прошлом чудесных случаев с их однофамильцами. Совпадение по этому критерию – также важный признак в выявлении любимца Бога.

С уважением, академик С. П. ХОХЛОВ

В верхнем правом углу рукой Президента красными чернилами было начертано: «В.А. Кедрину. Для создания методики выявления любимцев Бога. Проект «Пора».

Чуть ниже рукой Директора Службы безопасности черными чернилами размашисто выведено: «И.Н. Северскому. Учтите в вашей работе. О результатах доложить 13.08.

Объединенная Русь, Казахстан, г. Ленинск. Южный ракетный полигон. Площадка №24. Почти за два года до описываемых событий. 13 августа 2188 года. Среда. 8.10 по местному времени.

Бетонная полоса уверенно рассекла пополам степь, покрытую желто-бурым ковром отцветших тюльпанов. Этот пестрый ковер лежал до самого горизонта, постепенно сливаясь с голубым ковром неба. На полосе стояла огромная зловеще-черная птица, раскинув треугольные пластины крыльев и опираясь на бетон тремя черными блестящими лапами-колесами. Ее удлинённый, по хищному острый нос, был опущен вниз, словно птица что-то вынюхивала на земле. Сильный весенний ветер безжалостно сек черную поверхность птицы твердой, как крупа пылью. Все, кроме неугомонного ветра казалось безжизненным – и эта, будто вымершая желто-красная степь, и серая бетонная полоса, и черная птица на ней. Но это только казалось. Внутри птицы бурлила жизнь. Миллионы электрических сигналов метались по ее обширному телу, проникая в самые потаенные уголки. Вот и сейчас неслышимый и невидимый сигнал окатил птицу, чтобы тут же раздаться внутри нее человеческим голосом:

– «Пчела один», «Пчела один», я «Улей». Объявляю готовность номер один.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас понял. Готовность номер один, – человек, сидящий внутри «птицы» ткнул пальцем по одной из многочисленных кнопок, усеявших пульт управления.

Тут же, на лобовом стекле «птицы», а точнее стратегического ракетоплана «Х-3» замигал красными буквами транспарант: «Внимание! Включена готовность №1». Надпись продолжала мигать, а ниже, сменяя друг друга со скоростью на пределе восприятия человеческим мозгом, вспыхивали: «Гироскопы разогнаны», «Турбина маршевого двигателя выведена на предварительную ступень», «Снята третья ступень предохранения энергетической установки». Бесстрастная электроника ракетоплана спокойно ожидала, когда наберется функционал готовности. Вот ее электронный мозг зафиксировал успешное выполнение последней операции: «Автономная система жизнеобеспечения включена» и тут же, неукоснительно повинуясь вбитой в него программе, высветил: «Готовность №1 набрана. Ракетоплан к полету готов».

– «Улей». Я «Пчела» один. Готовность номер один набрана. К полету готовы.

– «Пчела один». Я «Улей». Центральный наземный компьютер сбоев не обнаружил. Вылет разрешаю.

И уже не таким официальным тоном прозвучало:

– Счастливого полета, «Пчелы».

– Спасибо, «Улей».

– Ну что, Игорь, полетаем, – командир ракетоплана «Х-3» мельком скользнув по экрану небольшого монитора, отображавшего спокойное лицо штурмана, сидящего в отдельной кабине позади командирской, взвел красный тумблер.

– А куда мы денемся, Боря?

И в то же мгновение позади ракетоплана вырвался яркий сноп пламени. Ракетоплан вздрогнул и стремительно покатился по бетонной полосе. Экипаж вдавило в спинки сидений. Автоматика работала безупречно. Отследив необходимое количество оборотов колес, она перевела маршевый двигатель в режим форсажа. Сноп пламени стал похож на могучий горизонтальный водопад, который легко сдернул ракетоплан с бетонки и швырнул в небо.

– «Улей». Я «Пчела один». Разрешите выполнение программы полета.

– «Пчела один». Я «Улей». Выполнение программы разрешаю.

Ракетоплан, подняв свой нос, круто, оставляя после себя грохот и настоящую вихревую бурю, стал набирать высоту.

– «Улей». Я «Пчела один». Прогнал звуковой барьер.

– «Пчела один». Я «Улей». Вас понял.

Небосвод перед носом ракетоплана стремительно чернел. Сразу во многих местах прорезались светлячки звезд. Слева, из-за горизонта выкатился желтый диск Луны.

– Командир. Есть первая космическая скорость. Мы на орбите.

Внешне ничего не изменилось – большой, черный самолет, словно на огненном столбе неся в черноте Космоса. Но непререкаемые законы небесной механики уже перевели его в реестр искусственных спутников Земли.

– Командир, до расчетной точки сто двадцать секунд. Перевожу реактор в режим ожидания.

– «Пчела два», тебя понял. Начинай.

Штурман корабля, двадцатичетырехлетний Игорь Восковцев в своей кабинке уверенно нажал большую черную кнопку. Бортовой компьютер тут же отреагировал на это событие. И в штурманской, и в командирской рубках одновременно вспыхнул транспарант: «Внимание. Включена программа перевода реактора в режим ожидания».

– Командир. Реактор к запуску готов. Но есть небольшие отклонения.

– «Пчела два». Подробнее.

– Система диагностики сообщает, что первый контур охлаждения вышел на режим с двухсекундным опозданием.

– Но это в норме?

– Не в норме, но допустимо. Иначе автоматика сбросила бы готовность реактора.

– Понял.

– До расчетной точки двадцать пять секунд.

– О'кэй, – согласился командир ракетоплана Борис Ковзан и тут же связался с землей:

– «Улей». Я «Пчела один». При переводе реактора на предварительный режим, первичный контур охлаждения вышел с двухсекундным опозданием.

– «Пчела один». Я «Улей». Это мы отследили. Наш Центральный компьютер дал добро на продолжение полета.

– Понял. Полет продолжаю.

– Командир. Мы на месте. Все системы корабля в расчетных пределах. Можно отключать маршевый движок.

– «Пчела два». Понял. Маршевый двигатель выключаю. «Улей» дал добро на продолжение программы. Включай реактор.

– Есть включить реактор.

Повинуясь приказу человека, автоматика выдала несколько коротких импульсов. Одновременно приятным женским голосом зазвучал бортовой компьютер:

– Десять процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

Чуть позже:

– Двадцать процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

«Интересно бы увидеть ту девушку, чей голос озвучивает бортовой комп, – неожиданная мысль посетила командира корабля, – наверное, красивая. И зовут ее уж точно не Маша».

Почему-то все пилоты и штурманы называли бортовые компьютеры своих грозных машин ласковым девичьим именем «Машенька», несмотря на то, что электронные мозги у их «Машенок» были под завязку забиты не девичьими грезами и глупостями, а различными сценариями ведения боевых действий, включая применение ядерного оружия.

Это желание, очевидно, поднималось из тех же глубин подсознания, которое заставляло человека присваивать женские имена разрушительным тайфунам. Видимо, ирония также входит в основные инстинкты человека.

– Тридцать процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

«Конечно красивая. У такого голоса не может быть некрасивой хозяйки».

– Сорок процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

Ракетоплан продолжал нестись в пространстве, готовясь к эксперименту – опробованию нового ядерного двигателя.

– Сорок процентов мощности реактора. Все параметры в норме, – не стараясь быть оригинальной, продолжала вещать «Маша».

Борис внимательно наблюдал за растущей синей полосой индикатора.

«Сейчас вытянется во всю длину и всё, парни, начинайте испытания. Два предыдущих закончились неудачей, если всего лишь неудачей считать четыре человеческих жизни».

– Восемьдесят процентов мощности реактора. Все параметры в норме, – ласковым голосом успокоила «Машенька».

Наконец была подведена синяя жирная черта под всей подготовкой к эксперименту.

– Сто процентов мощности реактора. Все параметры в норме. Реактор к переводу в тяговый режим готов, – «Машенька» ненавязчиво предлагала продолжить начатое.

– «Улей». Я «Пчела один». Реактор к переводу в тяговый режим готов. Разрешите включить тяговый режим.

– «Пчела один». Я «Улей». Включение тягового режима разрешаю.

Еще раз окинув взглядом приборную доску, командир ракетоплана Борис Ковзан спокойно приказал:

– Давай, Игорь, начинай.

– Есть командир, – тут же прозвучал ответ.

Борис мысленно представил, что сейчас происходит в недрах его корабля. Повинуясь команде, откроются клапана в специальных баках, где под огромным давлением затаился сжиженный углекислый газ. Вырвавшись, он сразу попадет под беспощадные лопатки специальной турбины. Еще более сжатый, он будет безжалостно вброшен в раскаленное чрево ядерного реактора, где, пройдя все круги ада – девять ядерных секций, раскаленный до десятков тысяч градусов и ободранный до последнего электрона, наконец вырвется на свободу – в холодный, спокойный Космос. Вырвется, напоследок лягнув как следует своего мучителя – ядерный реактор, вернее его сопло. Что в принципе от него и требовалось – получить мощный импульс тяги.

Проектантам ракетного реактора нужно было проскочить, образно говоря, между Сциллой и Харибдой. Реактор должен быть раскален, чтобы хорошенько разогреть проносющийся через него газ, и тот же газ должен забрать тепло, чтобы реактор попросту не расплавился и не взорвался. Правда, были еще два контура охлаждения реактора. Но если процесс пойдет

вразнос, они не справятся. Слишком слабы. Ручонками каток не остановишь, особенно если с горки. Предыдущим испытателям не повезло, два экспериментальных ракетоплана взорвались.

«Эх, где б найти такую голубку, которая предсказала бы, как Одиссею, результат эксперимента», – командир просто физически чувствовал, как открываются заиндевелые клапана, и сжиженная углекислота устремляется под лопатки турбин.

Ракетоплан ощутимо вздрогнул и, как застоявшийся конь, рванул вперед. Только вместо победно развевающегося конского хвоста за его кормой вырос другой – огненный.

И вновь откликнулась жизнерадостная «Машенька»:

– Сорок процентов тяги. Все параметры в норме.

– Командир, «Машка» врет. Растет температура первичного контура охлаждения. Но пока в допустимых пределах.

– «Пчела два». Понял. Продолжаем набор тяги.

– Шестьдесят процентов тяги. Все параметры в норме.

– «Пчела два». Что там с температурой?

– Почти на верхнем пределе.

– Умеешь ты успокаивать.

– Стараюсь.

– Восемьдесят процентов тяги. Температура первичного контура выше допустимой. Включаю дополнительный насос охлаждения, – бодро сообщила «Маша». И через мгновение, не меняя ласковой интонации, добавила:

– Температура первичного контура в аварийном диапазоне. Вывожу реактор в режим холостого хода.

– Командир, «Машка» не успеет. Слишком быстро...

Ракетоплан вздрогнул, раздался треск.

Пилоты практически синхронно ударили по кнопкам аварийного катапультирования. Теперь автоматика состязалась в скорости с волной деформации, разрушения и хаоса, несущейся с хвоста корабля, от реактора.

Мгновение – смята защитная стенка реактора. Специальные ремни притянули пилотов к спинкам кресел.

Еще мгновение – разрушен фюзеляж и взорвались топливные баки. Отстрелились верхние колпаки кабин. Поданы команды на электродетонаторы пирозарядов аварийного катапультирования.

Последнее мгновение – смята задняя стенка штурманской кабины. Кресла с людьми синхронно срываются вверх. Смятый шпангоут успевает чиркнуть по креслу штурмана, отклоняя его траекторию. Точно такой же мощный пирозаряд, который отбросил кресло пилота на несколько сот метров от разрушающегося ракетоплана, впечатал кресло штурмана в панель управления...

– «Пчела два», «Пчела два». Как слышите? “Пчела два, пчела два”. Игорь, откликнись, – сидя в своем беспорядочно кувыркающемся кресле, Борис пытался связаться через встроенную в противоперегрузочный спасательный комбинезон аварийную рацию со своим штурманом. – «Пчела два», «Пчела два». Откликнись.

– «Пчела один». Я «Улей», – с треском помех в шлем ворвалась Земля. – Что случилось? Вы исчезли с локатора.

– «Улей». Я «Пчела один». Ракетоплан взорвался, при тяге восемьдесят процентов. Я катапультировался. «Пчела два», вроде, тоже. Но пока не откликается. Меня сильно кувыркает.

– «Пчела один». Я «Улей», – после паузы ответила Земля, – включи систему стабилизации кресла.

– Она же рассчитана для работы в атмосфере.

– Пробуй, «Пчела один», – и после небольшой паузы. – Борись, Борис!

Борис на правом подлокотнике нашупал рычажок и повернул его. Тотчас из-под кресла и по бокам вырвались короткие языки пламени – включились двигатели стабилизации. Беспорядочное мельтешение звезд сменилось медленным вращением.

– «Улей». Я «Пчела один». Теперь медленно вращаюсь в плоскости орбиты. В системе стабилизации закончилось топливо. Жду дальнейших указаний.

– «Пчела один». Я «Улей». Мы берем небольшой тайм-аут. Ситуация слишком сложная. Сейчас задействуем спутниковую систему «Навигатор» – попытаемся тебя найти среди обломков ракетоплана. А там посмотрим. Жди.

«Ну что, Боря, отлетался? Кресло до конца не стабилизировано. Кислорода хватит максимум на три часа. Правда, если я раньше не замерзну. И подогрев кресла не поможет. В максимальном режиме подогрева аккумулятор сдохнет через час. На мне всё же не скафандр, а спасательный противоперегрузочный комбинезон. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы. И всё равно это лучше, чем живым войти в плотные слои атмосферы и заживо сгореть. Итого, два большущих минуса против одного маленького плюса. Что еще? Плюс – я стал первым человеком, который катапультировался в космосе. Утешает весьма слабо. И у меня будет самая роскошная кремация. Как потом напишут в учебниках: «И его пепел рассеялся над Землей». Это еще меньше утешает, – притянутый к креслу ремнями, человек со скоростью более семи километров в секунду огибал Землю. – Хотя бы кресло стабилизировалось. Тогда можно свое самолюбие напоследок потешить – сию, как на троне, а под ногами вся планета. А так как циркач кручусь у всей Земли на виду. Кстати, они там меня уже вычислили?»

Земля безмолвствовала.

Легкий морозец пробился через комбинезон.

«А я замерзаю быстрее, чем думал. Через два часа буду не живей мороженой свинины. Или говядины. Что не принципиально. Если конечно раньше не войду в плотные слои атмосферы и не сгорю. Борись, Борис».

– «Пчела один». Я «Улей». Как слышишь? – наконец Земля вновь вышла на связь.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу. Чем порадуете?

– Пока, к сожалению, особенно нечем. Твоя аварийная радиостанция работает на средних волнах. Поэтому по радиосигналу привязать тебя сложно. Отобрано шесть объектов примерно одинаковых с тобой размеров. Но понять, какой из них ты – пока невозможно. Вот выйдешь на освещенную сторону Земли, тогда без проблем.

– Извини, «Улей». Но ничем помочь вам не могу. Если даже помашу ручкой.

Прошло двадцать минут после аварии.

Впереди, из-за горизонта ударили яркие лучи – скоро кресло с Борисом окажется на освещенной стороне Земли.

«О, пожалуй, я не замерзну. Я просто поджарюсь. По-моему это тот случай, когда мороженая свинина предпочтительней зажаренной отбивной».

– Мы тут экстренно прокачиваем вариант с запуском спасательной ракеты.

– Не надо и прокачивать. У меня тут кислорода, – Борис взглянул на часы, – примерно на два с половиной часа. Если, правда, раньше не поджарюсь. Я примерно через полчаса перейду через терминатор. Но за участие всё равно спасибо.

– Не отчаивайся. Не все шансы потеряны. Через полчаса вновь выйдем на связь, – Земля как-то скороговоркой, скомканно произнесла последнюю фразу и отключилась.

«Что ж, я понимаю оператора с Земли. Утешать и подбадривать неизбежного покойника – занятие не из самых приятных. А о каких шести объектах говорил «Улей»? Они должны быть где-то рядом, все с одного места вылетели, – Борис закрутил головой во все стороны. Если не считать звезд, Земли и Луны, то ничего нового он не обнаружил.

«Если бы я хотя бы не вращался. Трудно сосредоточиться на одном секторе неба. Хотя если бы даже заметил, что это бы мне дало? А если Игорь жив? Ведь мог у него просто поломаться передатчик? Вполне мог», – Борис вновь завертел головой.

Впереди, кажется, у самого горизонта, вроде бы что-то блеснуло в лучах Солнца.

«Показалось? Да и слишком далеко. Наверное, всё же показалось», – как ни поворачивал Борис голову, посмотреть туда, где он увидел отблеск, не получалось. Кресло, совершая оборот, повернулось к тому направлению спинкой. Он ждал томительных две минуты, когда его маленькое кресло-планетка вновь займет нужное положение. И вновь взгляд направлен к горизонту.

«Ничего нет. Значит, все же, показалось. Нет, стоп. Надо же смотреть чуть выше и правее созвездия Водолея. Есть! Точно есть! Там точно что-то есть! Но это не может быть обломок ракетоплана. Слишком далеко. Это же пару сотен километров. Тогда это спутник», – мозг мгновенно решил задачу сложности два плюс два.

– «Улей». Я «Пчела один». Как слышите?

– «Пчела один». Я «Улей», – тут же откликнулась Земля.

– Прямо впереди себя, у горизонта наблюдаю спутник. Можете сказать, что это за спутник?

– Через минуту скажем. Ожидай, – чуть взволнованно ответил «Улей».

Кресло не повернулось и на пол-оборота, как поступил ответ.

– «Пчела один». Я «Улей». Это американская орбитальная станция «Ковчег».

– А я... – неожиданно пересохло в горле, –... наши траектории пересекаются?

– Уже считаем. Мы же точно не знаем, где ты. Так что считаем на все шесть объектов.

– Жду.

Вновь на связь Земля вышла через десять минут.

– «Пчела один». Я «Улей». Как слышишь.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу. Ну что там расчеты? У меня есть шанс?

– Два объекта отпадают сразу. Даже если «Ковчег» попытается совершить маневр, всё равно не поможет. Слишком разные орбиты. По остальным четырем объектам пересечение с орбитой «Ковчеха» возможно, но последнему необходимо делать маневр. Переходить на более низкую орбиту. У тебя скорость на пару сот метров больше.

– И что дальше?

– Мы уже вышли на нашего Президента. Немного подожди.

Еще долгие десять минут.

– «Пчела один». Я «Улей». Как слышишь, – голос Земли нес надежду.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу.

– Состоялся разговор двух Президентов. Американцы согласны. Сейчас они будут опускать «Ковчег» пониже. По мере твоего подлета к станции будем корректировать орбиту «Ковчеха». Но у них осталось очень мало топлива на борту. На следующей неделе к ним должен прилететь грузовик и дозаправить. Так что... Словом, маневр поможет только одному объекту.

– Всё равно спасибо, «Улей»! Я везучий!

– На Земле спасибо скажешь.

Борис находился вниз головой по отношению к Земле, когда «Ковчег» начал маневр. Пилот «Х-3» застал его окончание. Точка на горизонте стала намного ярче – включились двигатели коррекции. Через несколько секунд они отключились.

«Ничего, прорвемся. Я же, действительно везучий», – только сейчас Борис осознал, что ему действительно везло в жизни. В голове как-то мгновенно выстроилась цепь событий, несомненно показывающая – Борис удачливый человек.

– «Пчела один». Я «Улей».

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу.

– Американцы опустили на несколько километров станцию. У них топлива осталось на пять секунд работы. Они его используют, когда ты будешь около них.

– Вас понял, «Улей». – «Если подлетать буду я. А то как бы ребятам не пришлось уворачиваться своим «Ковчегом» от прущего на них обломка «Х-3».

Прошло еще пятнадцать минут полета. Солнце уже почти высунулось из-за горизонта. По Земле величественной поступью двинулась линия терминатора. Борис включил светофильтры.

«А если бы я не вращался, причем именно так – в плоскости орбиты, я бы до «Ковчега» не долетел. Изжарился. А так, когда Солнце жарит мое кресло, я остываю в тени. Нет, точно я везунчик!»

Станция из точки уже превратилась в продолговатую конструкцию, состоящую из нескольких цилиндров разного диаметра. Еще через пятнадцать минут Борис заметил крылья солнечных батарей.

– «Улей». Я «Пчела один». Как слышите.

– «Пчела один». Я «Улей». Слышу тебя хорошо.

– Вижу на «Ковчеге» панели солнечных батарей. До него километров двадцать.

– «Пчела один». Уточни, как ты подлетаешь к станции.

– Чуть снизу. Примерно под углом градусов десять к их орбитальной плоскости.

– Уф! Наверное, это всё-таки ты – тот единственный объект. Два объекта сейчас проходят выше станции. Один, как и ты ниже, но под большим углом. Он пересечет орбиту «Ковчега», когда тот пройдет это место, – последние слова Земли Борис воспринял чисто автоматически. Он увидел этот объект, который проходил «как и ты, ниже, но под большим углом». Это было кресло Игоря.

– «Пчела два». «Пчела два». Игорь, отзовись, – что есть мочи завопил Борис.

– «Пчела один». Я «Улей». Что случилось?

– Я вижу «Пчелу два». Чуть ниже и левее меня.

Земля молчала долгих пять секунд.

– «Пчела один», «Пчела два» подает признаки жизни?

– Не вижу. Слишком далеко. Километра три до него.

– Три пятьсот. Продолжай наблюдение.

– Какое к черту продолжай наблюдение. Он же проскочит мимо станции.

– «Пчела один», приказываю продолжать наблюдение, – Борис узнал голос руководителя полета.

– Есть продолжать наблюдение.

Через десять минут стало отчетливо видно, что кресло с Игорем раньше пересечет орбиту «Ковчега». Сейчас Игорь был в километре от Бориса. Его кресло беспорядочно вращалось – Игорь не включил систему стабилизации. Борис прикинул, что он с Игорем сблизится примерно на пятьсот метров. Не ближе.

«Если бы Игорь был жив, он уже подал бы какой-нибудь знак. Хоть рукой бы махнул. Ага, рукой. Очень заметно махание рукой с расстояния в километр. Эх, был бы бинокль. Стоп. Бинокль?! Какой же я дурень! У меня же есть в шлеме видеокамера. Она с такого расстояние разглядит и молнию на комбинезоне», – дождавшись удобного положения, Борис включил видеокамеру. Мгновенно обработав полученный сигнал, чип видеокамеры подал «картинку» на смотровое стекло шлема. Борис оказался прав – с такого расстояния видеокамера разглядела молнию на комбинезоне Игоря. И не только. Смятый, растрескавшийся шлем, лохмотья комбинезона на груди давали исчерпывающий ответ, почему не откликнулся на позывные штурман «Х-3». Борис направил видеокамеру на станцию. Посередине, четко черными буквами было выведено: «ARK». Слева и справа от названия были нарисованы американские флаги.

«Так, вон там у них шлюз. А добраться до него мне помогут скобы. Молодцы американцы, скоб у них на «Ковчеге», что у ежика иголок».

- «Улей». Я «Пчела один». «Пчела два» погиб.
- «Пчела один». Я «Улей». Вас понял. Уточните, где вы находитесь.
- До станции километров десять. Ее надо чуть опустить.
- На сколько?
- Метров на сто.
- Понял. Ожидайте.

Через минуту в районе шлюза на пару секунд включился двигатель коррекции.

- «Пчела один». Я «Улей». Сейчас нормально?
- Да вроде. Подлечу ближе, уточню.

Станция быстро надвигалась на Бориса. Становилось понятно, что у него скорость метров на десять – пятнадцать больше, чем у «Ковчега».

- «Улей». Я «Пчела один». Прохожу чуть ниже и правее станции.
- «Пчела один». Я «Улей». Вас понял.

И вновь заработал двигатель коррекции.

- «Пчела один». Я «Улей». Ну как?
- Всё равно, чуть ниже и правее. Я от станции в километре.

Земля ответила через полминуты.

- «Пчела один». Я «Улей». У американцев закончилось топливо в кормовом двигателе.
- Черт!

Станция быстро приближалась. Восемьсот, семьсот метров. Борису показалось, что в боковом иллюминаторе мелькнуло чье-то лицо. Шестьсот, пятьсот метров. Неожиданно, где-то на корпусе «Ковчега» заработал ракетный двигатель. Через две секунды он выключился. Громоздкая махина станции неторопливо стала поворачиваться вокруг своей продольной оси. Четыреста, триста метров. Панель солнечной батареи медленно надвигалась на Бориса.

«Молодцы американцы. Догадались крутануть станцию и подставить мне солнечную батарею!»

Двести, сто метров.

«Черт, всё равно пройду чуть выше. Эх, нескольких метров не хватило. Э нет, дудки. Меня так просто не возьмешь!» – Борис с силой надавил на кнопку на груди. Ремни, которыми он был пристегнут к креслу, сразу же отлетели. И тут же Борис изо всех сил оттолкнулся от кресла. Через мгновение он понял, что перестарался. Он пересечет невидимую точку встречи с солнечной батареей раньше, чем она там окажется.

«Проскакиваю, черт, проскакиваю, – решение пришло мгновенно, будто кто шепнул его на ухо.

Пилот военно-космического флота Объединенной Руси с силой ударил себя по груди, включая аварийный клапан сброса кислорода из комбинезона. Тугая струя газа ударила буквально из его груди, тут же превращаясь в кристаллики льда.

«Чем, чем, но кислородной струей я реверс еще не производил. Кислород – основа жизни!» – движение Бориса чуть замедлилось и он, выгнувшись назад, сумел уцепиться правой рукой за солнечную батарею.

В шлеме тревожно зазвенел зуммер – кислорода осталось на пять минут.

«Теперь – что быстрее. Или я попаду внутрь станции, или задохнусь на ее поверхности под эту «жизнерадостную» музыку», – пилот, перебирая руками по конструкции солнечной батареи, устремился к корпусу станции.

Панель солнечной батареи оказалась длинной. Метров двадцать. К корпусу станции Борис добрался уже в полубморочном состоянии. Легкие с хрипом засасывали в себя всё, что оставалось в пустых кислородных баллонах. В голове шумело.

«Всё. Кислород закончился. Финита ля комедия».

Какая-то тень надвинулась на Бориса и к нему протянулась человеческая рука. И вдруг яркое воспоминание из детства – тянущаяся к нему рука и резкая боль во рту. Всё как сейчас – и рука, и боль. И как в детстве, он из последних сил потянулся к этой руке...

Американские астронавты, вышедшие в открытый космос, чтобы помочь Борису, были поражены. Уже внутри станции они сняли шлем со спасенного и увидели, что его губы в крови – чтобы не потерять сознание, он с силой закусил их. Вот так на боли он и полз.

Объединенная Русь. Россия. Москва. Лубянка 26. Кабинет Директора Службы безопасности. Почти за два года до описываемых событий. 13 августа 2188 года. Среда. 8.17 по местному времени.

Президент Объединенной Руси Владимир Сергеевич Орлов со своего портрета на стене зорко наблюдал за происходящим. Так уж устроено человечество, что основу любого государства образуют три составляющих: армия, полиция и дворцовый аппарат. От эпохи к эпохе названия их менялись, но суть оставалась неизменной – бдить и укреплять государство. И во все времена, власть, если она была в здравом уме и трезвой памяти, а не с печки упала, холила и лелеяла свой треножник. Холила и присматривала. Полиция присматривала за дворцом, дворец за армией, армия за полицией и так по кругу. Окажется ненадежной хоть одна опора – рухнет все. Три точки определяют плоскость, но никак не две и тем более одна. Истории многочисленных переворотов, путчей, революций и прочих занятных игрищ яркое тому подтверждение. И не случайно во всех высоких кабинетах портрет Президента, как напоминание – государево око везде и всюду.

– Итак, я вас слушаю, Игорь Николаевич, – опершись локтями на стол и сцепив пальцы, Директор Службы безопасности Вадим Александрович Кедрин сидел за своим рабочим столом и внимательно смотрел на подчиненного.

Полковник службы безопасности Игорь Николаевич Северский, вошедший в кабинет минуту назад, раскрыл папку, лежавшую перед ним на столе.

– Моей группой был проведен информационно–агентурный поиск людей в рамках программы «Пора», – откашлявшись, начал он. – Разыскиваемые должны были удовлетворять следующим критериям. Первое – возраст от двадцати до шестидесяти лет. Далее. Они должны быть либо: А. Выжившие после аварий или катастроф природного либо техногенного характера. Причем ситуация должна была быть реально опасной для их жизни. Б. Выигравшие крупные денежные призы в различных лотереях. В. Выздоровевшие после тяжелых болезней, которых медики считали безнадежными больными.

– Если бы на последнем пункте не настаивал сам Хохлов, – Кедрин перебил своего подчиненного, – я бы по этому критерию поиск не проводил. Я и сейчас считаю, что любимчик Бога не может заболеть смертельно опасной болезнью. Если Бог действительно отслеживает судьбу каждого из нас, то, скорее всего, этих людей он за что-то наказывает и очень-очень серьезно предостерегает. А по большому счету жестко перевоспитывает. Человек, заглянувший в глаза костлявой – это совсем другой человек, чем был до того.

Полковник Северский вопросительно посмотрел на своего начальника – продолжать?

– Продолжайте, Игорь Николаевич.

– По первому критерию было отобрано две тысячи пятьсот шестьдесят семь человек.

– Всего-то? – удивился Кедрин. – По-моему, я только и слышу об авариях. При таких-то энергонасыщенных производствах и скоростях передвижения

– По этому критерию мы выбирали людей, которым не только реально угрожала смертельная опасность, но и спасение которых в глазах других выглядело, как чудо, как невероятное везение.

– Поясните, – коротко бросил Кедрин.

– Например, случай с Абалкиным Геннадием Петровичем, 2152 года рождения, проживающим в Иркутске. – Северский быстро перевернул несколько страниц доклада. – 14 мая 2182 года, на дом, где он жил упал военно-транспортный самолет ИЛ–765.

– Насколько я помню, тогда спасся не только Абалкин.

– Так точно. Но в момент падения самолета Абалкин находился на балконе. Увидев падающий на него самолет, он спрыгнул с балкона вниз. С третьего этажа. И отделался только переломом правой ноги.

– Гм...

– Дело в том еще, – полковник, видя скепсис на лице своего шефа, заговорил чуть быстрее, – самолет упал именно на квартиру Абалкина. Находись он там, шансов у него не было бы никаких. Кроме того, около дома росли несколько деревьев, которые и не позволили обломкам самолета упасть на лежащего человека.

– Но ИЛ – 765 – это довольно крупный самолет. Конечно не АН – 404, но всё же. Он должен был попасть не только в квартиру Абалкина.

– Так точно. Полностью были снесены восемь квартир, – уточнил Северский.

– И какова по ним статистика?

– Все, кто там находились, погибли.

– А были ли жильцы этих квартир, которые по тем или иным причинам не находились дома в момент падения?

– Три человека, – сверившись со своими записями, ответил полковник.

– На мой взгляд, – после некоторого раздумья произнес Кедрин, – эти трое больше подходят под категорию любимцев Бога, чем Абалкин с его сломанной левой ногой.

– Правой, господин Директор.

– Тем более. Кстати, а этот Абалкин жил один?

– Нет. У него была жена и дочь. Они погибли.

– Так, значит, увидев падающий на его дом самолет, этот кандидат в любимцы Бога Абалкин вместо того, чтобы попытаться спасти свою семью, быстренько сигает с балкона. Я думаю, если он и был любимцем Бога, то Господь в нем уже разочаровался, – Директор Службы безопасности иронично усмехнулся.

В кабинете воцарилась пауза. В независимости от эпох и народов трусость всегда отталкивает. Только в жесткие времена трусов по возможности отстреливали, а в более демократичные и цивилизованные – только пожимали плечами.

После некоторого раздумья хозяин кабинета спросил:

– Есть такие люди, которые были единственными, кто спасся в тех или иных авариях и катастрофах?

– Семь человек и еще восемь, в последний момент отказавшиеся или опоздавшие на самолет, который потом разбился.

– Это уже теплее, – шеф разведки чиркнул ручкой по листку бумаги. – Что по второму критерию?

– В стране в настоящий момент насчитывается пять различных лотерей, одноразовый выигрыш в которых составляет более миллиона рублей, – без запинки ответил Северский.

– А почему именно миллион?

– Мне кажется, что при меньших суммах, как-то не солидно зачислять людей в любимцев Бога.

– Ладно, – подумав, промолвил Кедрин, – действительно, глупо требовать обоснования этой цифры. Допустим, выиграл больше миллиона – любимец, чуть меньше – мордой не вышел. Чуть какая-то. Так сколько таких счастливых по стране?

– Триста пятьдесят семь.

– А были такие, которые выигрывали дважды?
– Один человек. Но он погиб.
– При каких обстоятельствах?
– Отмечал второй выигрыш и в нетрезвом состоянии вывалился с балкона. Четырнадцатый этаж, – Северский пожал плечами, как бы говоря, что дурак и с миллионом остается дураком.

– Уж он точно не был любимцем Бога. А по остальным проводился анализ их жизни после выигрыша?

– Так точно.

– И что же?

– Пять процентов просто спились, – полковник стал приводить статистику счастливицков.

– Ясно. До сих пор отмечают выигрыш, – прокомментировал Кедрин. – Дальше.

– Сорок шесть процентов живут на проценты.

– Я думаю, что это тоже не любимцы. За что любить-то? Серость, – комментарии Директора Службы безопасности становились все более безжалостными.

– Любовь зла, господин Директор.

– Полюбишь и козла? – Кедрин рассмеялся. – Но Бог не женщина. На козлах Его не проведешь. Давай дальше.

– Остальные сорок девять процентов вложили деньги в бизнес.

– И что?

– Десять процентов раззорились дотла. Двое даже покончили с собой. Еще пятнадцать процентов, в конце концов, продали свой бизнес и зажили на проценты.

– Это мы уже проходили.

– Ну а остальные более-менее крутятся, – закончил Северский нерадостную статистику везунчиков в лотереи.

– А кто более всего, так сказать, крутится?

– Гольцман – владелец сети магазинов «У старого еврея».

– Получается Гольцман – любимец Бога? Так что ли? Кстати, сколько лет этому «старому еврей»?

– Пятьдесят четыре, господин Директор.

Полковник Северский по тону и выражению лица шефа не смог определить, развеселился тот или остался недоволен. Поэтому он стал отвечать, осторожно подбирая слова:

– Евреи, вообще-то, всегда считались богоизбранным народом.

– Полковник, пересказывать Ветхий Завет мне не надо. Я его сам читал. Но вы представляете этого Гольцмана, владельца сети магазинов «У старого еврея» в рубке управления гиперпространственным кораблем?

– Не очень.

– Значит у вас богатое воображение, господин полковник. Вам надо фантастические романы писать. Я, например, его вообще там не представляю, – сказав это, Директор Службы безопасности углубился в раздумья, что-то черкая на бумаге. Наконец, нарисовав необходимое количество треугольников и квадратов, мозг шефа разведки принял решение:

– Знаете, по этим лотереям, по-моему, мы забрели не туда. Есть же тысячи людей, которые, начав с нуля, благодаря своему таланту, упорству, умению рисковать, смогли заработать значительно больше миллиона. И по мне, их скорее следует считать любимцами Бога, чем тех, кто выиграл деньги в лотерею. Поэтому, исходя из неоспоримого постулата, что самое дорогое у человека, это его жизнь, всех претендентов по второму критерию более не рассматривать. Далее. Из этих шести человек по первому критерию, каждый из которых был единственным

спасшимся там, где другие все погибли, есть люди, которые спаслись при природных катаклизмах?

– Один человек. Пошел в группе покорять Эверест. Уже на спуске группа попала в буран, длившийся неделю. Все замерзли, кроме него.

– И чем он отделался?

– Ампутировали несколько пальцев на ногах и руках.

– Конечно, с одной стороны крупно повезло – остался жив, – после некоторой паузы задумчиво проговорил Кедрин. – Но с другой стороны – человек – то стал калекой.

– Христос тоже страдал и даже погиб. Но сомневаться, что Христос – Сын Бога, не является Его любимцем. . . .

– Не забывай, что Христос через три дня воскрес. А у этого альпиниста что, новые пальцы выросли?

– Никак нет, – последовал вполне очевидный ответ полковника.

– Из оставшейся пятерки у кого-то есть увечья вследствие аварии?

– У всех пяти. – И, словно оправдываясь, Северский торопливо добавил. – Господин Директор, мы же выбирали действительно опасные для жизни случаи: падение самолетов, автомобильные аварии на большой скорости и тому подобное.

– Ладно, давай по третьему критерию, – после некоторой паузы произнес Кедрин.

– Таких случаев всего восемь.

– И какую же болезнь они счастливо преодолели? На сегодня даже онкологические заболевания четвертой степени вылечивают в восьмидесяти пяти процентах случаев.

– Болезнь у всех одна – синдром внезапного слабоумия. Официальная вероятность благополучного исхода нулевая, – тут же ответил Северский.

– И как же они ее получили?

– Один через кровь. Остальные стандартно – половым путем.

– И вы полагаете, Игорь Николаевич, что эта семерка отважных, которые наплевали на элементарные средства предохранения – любимцы Бога? Я бы это трактовал, как получение этими оболтусами шанса от Бога на продуктивную и, может даже, праведную жизнь. Ну а тот, который заразился через кровь. Как такое могло случиться? Это в двадцать втором-то веке.

– Срочно, прямо на дороге, необходимо было делать искусственное дыхание человеку, попавшему в автомобильную аварию. Вот тот, восьмой и делал его. Он врач по профессии. Проезжал мимо, увидел лежащего в крови мужчину. Начал спасать. А у самого царапина была на руке. А тот мужчина был носителем СВС.

– Ясно. Давай подведем итоги. По первому критерию бери в разработку тех восьмерых, которые отказались от фатальных рейсов. По второму критерию – мы договорились не брать никого. Ну и по третьему – бери этого врача.

– Понял. Разрешите идти?

– погоди, полковник, – директор Службы безопасности встал из-за стола. – Тебе не кажется, что мы, как бы это точнее выразиться. . . Вот у тебя нет такого чувства, что всё это не то? Да, они может быть и любимцы Бога, но не на столько, что позволит им выполнить возлагающуюся на них миссию. Ведь по нашим критериям, Христос бы не попал в любимцы Бога.

– Трудно сказать что-то определенное, – полковник Северский тоже встал. – Слишком всё неопределенно. Идеологическим руководителем разработки наших критериев является академик Хохлов. Я бы подходил несколько с иных позиций.

– С каких?

– Я полагаю, что любимцы Бога должны быть обязательно счастливыми людьми.

– Ты прав. Вот только, если бы ты сумел еще и измерить, так сказать, счастливость отдельных людей, то ты точно был бы круче академика Хохлова. Как измерить эту счастливость? Деньгами, славой? Чем? Сколько примеров, когда миллионеры, популярные артисты спива-

лись, уходили в депрессию, кончали жизнь самоубийством. Посмотри на Голливуд – этот заповедник богатых, популярных и красивых людей. Да там плотность личных психологов больше, чем психиатров в дурдоме. А ты мне скажи – счастливому человеку нужен психолог? То-то.

– Господин Директор, тут мне пришла в голову одна мысль, – Северский вопросительно посмотрел на своего шефа и, увидев разрешающий жест, продолжил, – а если поискать любимцев среди служителей церкви?

– Мысль интересная. Но ты, надеюсь, понимаешь, что в данном случае церковный чин не играет никакой роли.

– Так точно.

– Господин Директор, – в дверях кабинета появился секретарь Кедрин, – срочное сообщение.

– О чем?

– Об испытании ракетоплана «Х-3».

– Ох, совсем забыл, – Кедрин посмотрел на наручные часы. – Три с половиной часа тому назад должны же были испытывать «Х-3». В пять утра по московскому. Докладывайте, – кивнул он своему секретарю.

– Через сорок минут после старта, набрав восемьдесят процентов тяги ядерного двигателя, ракетоплан взорвался.

– Черт. Уже третий. Опять будут в ООН орать про загрязнение окружающей среды. Особенно китайцы.

– Ясное дело, – сказал Северский. – Разработку нашего нового ракетоплана они воспринимают, как демонстрацию того, что просто так мы Дальний Восток им не отдадим.

– К счастью, система блокировки ядерного реактора успела включиться, – вновь заговорил секретарь. – Так что полиграфитом реактор залить успели. Поэтому разлет плутония минимален. Завтра на орбите уже будут два наших «мусорщика». По предварительным оценкам радиационный фон – треть от фона в годы активного Солнца.

– Что с экипажем? – Кедрин отвернулся от секретаря и стал смотреть в окно.

– Штурман погиб при катапультировании. Пилот катапультировался успешно.

– Подождите. Если они взорвались при наборе тяги ядерным двигателем, то это было уже на орбите.

– Так точно, – подтвердил секретарь. – Пилот катапультировался в открытый космос.

– Уж лучше бы он сразу погиб. А так протянет три-четыре часа, а потом или замерзнет или на Солнце... Эх... Эвакуировать-то его мы не сможем. Он еще жив? – Кедрин посмотрел на часы. – Да нет, не должен.

– Никак нет. Пилот жив, господин Директор.

– Что?!

– Так точно. Через приблизительно два часа полета в открытом космосе на своем кресле, пилот Борис Ковзан умудрился столкнуться с американской орбитальной станцией «Ковчег», и американцы втянули его внутрь. Мы уже договариваемся о его транспортировке на Землю. Через неделю будет здесь.

– Невероятно, – Кедрин переглянулся с Северским. – Вам не кажется, Игорь Николаевич, что один железный кандидат в любимцы Бога у нас есть.

– Так точно, кажется.

– Через час подготовьте мне подробный отчет по этому случаю, – обратился Кедрин к своему секретарю.

– Есть.

– А вы, Игорь Николаевич, берите в разработку этого Бориса Ковзана. Узнайте о нем всё – где родился, кто родители. Где и как учился. Друзья, подруги. Словом всё. Его биографию вы

должны через неделю знать лучше, чем биографию собственного сына. Вплоть до того сколько раз в детстве он ходил на горшок. Ясно?

– Так точно, господин Директор.

– Да и проверьте этого счастливица на однофамильцев. Как тот случай с Хью Уильямсом из записки академика Хохлова.

– Я вас понял, господин Директор.

– А теперь вернемся к нашим служителям церкви. Повторяю, мысль очень дельная. И надеюсь, ты понимаешь, что церковный чин в данном случае ничего не значит. Тут нужен другой критерий.

– Я понимаю, господин Директор. И, по-моему, существует четкий критерий именно для служителей церкви.

– Какой же?

– Неистовость, господин Директор.

Глава 3. Неистовый

Для любого народа в поисках верного исторического пути трудность одна – отличить Моисея от Сусанина.

Неизвестный

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 15 апреля 2190 года. Четверг. 10.12 по СЕВ.

Американцы были пунктуальны. Без десяти минут десять они запросили разрешение на посадку, а ровно в десять ноль-ноль компактный, изящный ракетоплан уже стоял на космодроме базы «Восток», красиво выделяясь серебристым телом на фоне серого лунного пейзажа.

«Наверно, с центральной базы «Вашингтон» прилетели, – наблюдая на экране монитора за ракетопланом, подумал Богомазов. – Что ж, Семен Петрович, принимай незваных гостей». Он проследил, как высланный с базы вездеход принял на борт пассажиров американского ракетоплана, после чего сел в лифт и спустился на нулевой этаж для встречи американской инспекции.

Американцев было трое. Богомазов узнал долгового американского лунного атташе и, улыбнувшись, протянул ему руку:

– Здравствуйте, господин Питсроу, – начальник базы «Восток» великолепно знал английский язык, но придерживался принципа – на своей территории разговаривать на родном языке.

– Здравствуйте, господин Богомазов, – американец широко улыбнулся и крепко пожал протянутую руку.

Затем жестом показал на стоявшего слева от него молодого, не старше тридцати лет парня:

– Генри Лоуренс.

В правой руке американец держал черный кейс.

«Этот, наверняка, технарь. Он то и будет обследовать базу», – Богомазов, улыбаясь, пожал протянутую руку:

– Семен Петрович Богомазов.

– Мисс Дороти Маккейб... translator, – Питсроу жестом указал справа от себя.

– Переводчик Дороти Маккейб, – стройная, высокая блондинка первая протянула руку Богомазову.

Рукопожатие было твердым, мужским. Говорила она без акцента, низким грудным голосом.

«Красивая, стерва. Интересно, она спит с Питсроу?»

– Очень приятно, Семен Петрович Богомазов.

Американцы были одеты по последней лунной моде – голубая курточка на молнии и брюки со множеством карманов. Штанины брюк заправлены в высокие армейские ботинки.

– Господа, может перекусите после дороги?

Мисс Маккейб своим чарующим голосом тут же перевела.

– О, по, по, – лунный атташе энергично затряс головой. – Thank you, but we recently lunched on «Washington»

– Спасибо, но мы недавно позавтракали на «Вашингтоне», – перевела американка, очаровательно поджав свои чувственные губки, показывая, как она сожалеет, что не может оценить гостеприимство русичей. – Так что, если позволите, сразу приступим к делу, – продолжала она переводить слова Питсроу.

– Не смею возражать. Откуда начнем?

– Давайте сразу начнем с вашего сборочного цеха, – перевела мисс Маккейб пожелание лунного атташе.

– Со сборочного, так со сборочного. Прошу, господа, – начальник лунной базы «Восток» указал на массивную стальную дверь.

Пройдя цилиндрический переход метров пятьдесят длиной, они вновь очутились перед закрытой стальной дверью. Богомазов набрал код. Тяжелая дверь бесшумно поднялась вверх. Сборочный цех встретил их гулкой тишиной. Залитое ярким светом ксеноновых ламп помещение было пустым. Ни одного человека. Посередине цеха размещалась стальная конструкция чем-то похожая на гигантскую катушку ниток, поставленную вертикально. А в самом углу, нацелив на них огромную зеркальную параболическую поверхность, застыла другая конструкция, очень смахивающая на гриб. Зеркало – это шляпка гриба, от которого протянулся длинный метров пять тонкий цилиндрический отросток – ножка.

– А где же ваши рабочие? Почему не ведутся работы?– перевела Маккейб вопрос Лоуренса.

«Ну, начинается. Первый заход».

– Работы пока нет. Мелочевка одна, – Богомазов не без злорадства наблюдал, как белокурая красавица споткнулась на слове «мелочевка» и, дождавшись когда она, наконец, одолеет «мелочевку» – «small works²», тут же добавил, – Так что мы откровенно бьем баклуши.

Мисс Маккейб недовольно стрельнув на него глазами, перевела: «So we repose now³».

«И чего я на неё взъелся? Вот уж не думал, что мне нравится ставить женщину в затруднительное положение. Особенно если она красивая и не твоя», – тут же с некоторой долей иронии расшифровал он причины своих эмоций на подсознательном уровне.

На мгновение углубившись в психоанализ, Богомазов едва не прослушал следующий вопрос Питсроу:

– Неужели состыковать жилой отсек и гиперпространственный двигатель для господина Богомазова – это небольшая работа?

«А ну соберись, Фрейд недоделанный. Что-то сейчас ляпнешь, и Кедрин тебя живо турнет отсюда. Лишение звания и позорная досрочная пенсия – это будет самое лучшее, что тебя может ожидать».

– Жилой отсек – это для «грузовика» на внешние планеты. Его мы начнем собирать в следующем квартале. А гиперпространственный двигатель – это экспериментальный вариант, оставшийся от проекта «Надежда». Его сюда случайно завезли вместо обычного ядерного. Обычная наша расхлябанность, – Богомазов коротко вздохнул, показывая, что и ему самому не нравится эта их национальная черта. К тому же доставляющая столько хлопот обязательным и аккуратным иностранцам. Вот и сейчас из-за неё несколько солидных человек вынуждены в срочном порядке прервать свои важные дела и мчаться к этим русичам, выяснять, что же они

задумали. А, оказывается, ничего. Просто обыкновенное русское раздолбайство – притащить с Земли тяжеленный движок, и не тот. Богомазов еще раз коротко вздохнул.

Питсроу вопросительно взглянул на своего молодого помощника, который, зайдя в сборочный цех, тут же раскрыл свой кейс и, повесив его с помощью специального ремня себе на грудь, стал колдовать над многочисленными кнопками, не отрывая глаз от светящегося зеленым светом экрана. Помощник отрицательно дернул головой.

«А больше тут ничего и нет. Вы думали, что мы попытаемся спешно куда-то спрятать гиперевик? А потом, дрожа и потя от волнения, будем наблюдать как вы, такие спокойные и вальяжные, походите тут по базе со своими детекторами и, в конце концов, ткнете пальчиком на гиперпространственный движок и скажите нам: «Ай-ай-ай». Дудки! Нате, выкусите! Вот вам движок. Стоит себе спокойно в сборочном. А почему он тут, вместе с жилым отсеком? А случайно. Знаете, русская расхлябанность. Вечно что-нибудь напутаем. Вам бы недельки через три сюда прилететь. Когда будут состыкованы все кабели, все шланги. Когда мы сварим в единое целое их корпуса. О, вот тогда бы мы заметались. А больше одной проверки в год не допускается. Лопухнулись вы, господа американцы».

– Куда уважаемые гости хотят дальше проследовать? – Богомазов широко улыбнулся.

Улыбка была на грани фола. Если положение его верхней губы еще можно было отнести к классу «гостеприимных улыбок», то нижняя губа откровенно приняла насмешливую позу.

Переводчица перевела. Питсроу взглянул на улыбку Богомазова, затем еще раз обвел глазами безлюдный сборочный цех, вздохнул и медленно заговорил. Мисс Маккейб тут же начала переводить:

– Нам надо было прилететь сюда несколькими неделями позже. Я думаю, тогда бы у господина Богомазова была бы несколько иная улыбка.

Начальник лунной базы даже не пытался изображать непонимание на своем лице:

– Насколько я понял мистера Питсроу, инспекция базы закончена? Вы даже не хотите проверить наш боевой лазер защиты от метеоритов?

После некоторой паузы американский лунный атташе утвердительно кивнул головой:

– Я ни на мгновение не сомневаюсь, господин Богомазов, что ваш лазер полностью удовлетворяет требованиям для лазеров защиты внеатмосферных космических баз и никакой угрозы для наших наземных объектов он не представляет.

Уже прощаясь возле входа в шлюзовую камеру базы, Питсроу, пожимая руку начальнику «Востока» сказал:

– As Russians speak⁴: «Laugh... смеяться тот, who смеяться last... последний».

– А как говорят американцы: «Fool's haste is no speed⁵». Goodbye.

Затем Богомазов с легким сожалением наблюдал, как американцы заходят в шлюзовую камеру и садятся в свой вездеход. Точнее, он с сожалением смотрел вслед лишь мисс Маккейб. Даже просторная лунная одежда не могла скрыть волнующие женские выпуклости.

Богомазов еще раз вздохнул и отвернулся.

Боль расставания с женой неожиданно остро резанула в душе. Словно случайно, по неосторожности, содрать с уже зажившей раны корочку запекшейся крови. А мозг, в лучших традициях садомазохизма, тут же услужливо «нарисовал» картинку – его Иришка, обнаженная, рядом с этим народным козлом-депутатом. Мужчина, до боли прикусив губу, затряс головой, отгоняя от себя свои же болезненно-притягательные фантазии. «Ничего. Если баба в сорок пять – ягодка опять, то мужик тоже отнюдь не сухофрукт. Вот вернусь на Землю, найду себе лет на двадцать моложе и ещё к этой сладкой парочке в гости нагряну. Не только ж себе нервы мотать», – проведя, таким образом, сеанс успокаивающей психокоррекции, начальник лунной базы направился к себе в кабинет.

Строгая деловая обстановка кабинета быстро и окончательно «вправила» его мозги, настроив их на текущие дела: «Прав был Кедрин. У меня на базе «крот». Американцы летели

сюда именно из-за гипердвигателя. И прилети они на пару недель позже, от них уже было бы не утаить сборку пилотируемого гиперпространственного корабля. – Но тут же ему в голову пришла следующая логичная мысль. – Но если у меня «крот», то он уже наверняка передал американцам, зачем привезли сюда гиперпространственный движок. Пять шестых базы об этом знает. Мы уже начали сборку, – он вздохнул и нажал кнопку связи с Землей. Секунду спустя на экране видеофона возникло лицо сменного оператора Центра управления космическими базами.

– Начальник базы «Восток» полковник Богомазов, – начал Семён Петрович официально. Лицо оператора ему не было знакомо.

– Сменный оператор капитан Кудряшев.

– Доложите начальству, что американцы уже отбыли. Подробный отчет отправлю факсом.

– Понял. Американцы уже отбыли, – оператор нажал пару кнопок и заговорил в микрофон. – Докладывает сменный оператор капитан Кудряшев. На связь вышел начальник лунной базы «Восток» полковник Богомазов. Он доложил, что американская инспекция уже отбыла. Все подробности он отправит факсом. – Затем он что-то выслушал через наушники, отключил микрофон и, уже обратившись к Богомазову, сказал:

– Ждите дальнейших указаний. Сборку корабля не возобновлять.

– Понял. Жду дальнейших указаний. Сборку корабля не возобновляю. Конец связи.

«Сейчас мое начальство выйдет на Кедрина, а тот на меня. – Начальник лунной базы «Восток» еще долго сидел в своем кабинете, анализируя встречу с американцами и все перипетии с ней связанные. – А переводчица у этого долговязого Питсроу хороша. Ничего не скажешь. Везет же некоторым! А тут сиди и жди вызова Кедрина. А когда я ему обо всем доложу, тут сразу же начнутся шпионские страсти по вычислению и поимке «крота».

Богомазов ошибся. Кедрин с ним на связь не вышел. Начальник базы не знал и не мог знать, что час спустя, в четырехстах километрах от «Востока», на американской базе «Вашингтон» Питсроу, со злостью ударив по клавише выключения видеофона, в сердцах бросил:

– Сам, не взвесив все, погнал меня в срочном порядке инспектировать русичей, а теперь орет, что я ничего не узнал. Отложи мы инспекцию на три недели, и куда бы этот Богомазов делся.

– Милый, не расстраивайся так, – Дороти Маккейб села к лунному атташе на колени, – Реда можно понять. Он спешит доложить президенту.

– Знаешь, когда нужна спешка? То-то.

– Увидели мы воочию или не увидели сборку пилотируемого гиперпространственного корабля – не столь это и важно. Ясно одно – они его собирают. И гиперпространственный движок там оказался уж точно не из-за разгильдяйства русичей. Наш агент был прав, – девушка погладила седую голову мужчины и расстегнула пуговицу на его пиджаке. – Так что расслабься... Хотя мне жалко его.

– Кого, – откинувшись на спинку кресла, мужчина не сразу вынырнул из состояния сладостной расслабленности.

– Этого агента у русичей. Если они его вычислят, то наверняка расстреляют.

– Сам виноват. Никогда нельзя терять контроль над собой и особенно на отдыхе...

Через час шифровка с Луны легла на стол Директору Службы безопасности Руси.

Так что Богомазов напрасно ждал вызова Кедрина. Его доклад стал излишним. Лишь спустя три часа, из Центра управления космическими базами пришла телефонограмма: «Разрешаю возобновить работы по программе «Пора» И подпись: «Начальник Управления космических исследований генерал-лейтенант В.И. Сидорук».

Ровно в 18–00 по средневропейскому времени Богомазов закончил совещание с главными специалистами своей базы, где отдал приказ возобновить сборку гиперпространственного корабля. И глядя, как его подчиненные, один за другим покидают кабинет, он подумал: «А ведь среди них вполне может быть предатель, черт бы его побрал».

Богомазов встал из-за стола, чтобы спуститься в сборочный цех.

«Интересно, а когда наши предки запускали Гагарина в космос, тоже такие страсти кипели?» – массивная стальная дверь в сборочный цех медленно стала подниматься вверх, открывая проход.

Объединенная Русь. Украина. В двадцати километрах от г. Славутич, Киевской обл. Почти за два года до описываемых событий. 14 августа 2188 года. Четверг. 18.20 по местному времени.

Небо, казалось, упало на землю, цепляя ее тучами, набухшими от воды. Под этими тучами понуро стояли деревья и замерла земля, покрытая мокрой травой и проплешинами грязи.

И лишь золоченый крест, гордо вознесшийся над небольшой, сложенной из свежих бревен церквушкой, оживлял безрадостный пейзаж. Возле церкви, на утрамбованной площадке, демократично сгрудились десятка два машин. Роскошные «Мерседесы» и «БМВ» дверь в дверь, бампер к бамперу соседствовали с неприятными «Москвичами» и «Пежо». Не поместившиеся на площадке трехколесные электроциклы, словно огромные жуки, оцепили церковь.

Тучи, наконец, стали сбрасывать свой груз – первые крупные капли дождя упали на церковь, машины, землю. И тут же внезапно поднявшийся ветер подхватил их, закружил, начал яростно хлестать ими окружающий мир.

– Братья и сестры! – звучно взвилось под сводами церкви. – Мир всё больше погрязает в грехах. Прелюбодейство и чревоугодие, корысть и зависть, непомерная гордыня и тщеславие – вот истинные правители этого мира, – голос продолжал рокотать в небольшой церквушке.

Перед алтарем возвышался высокий молодой человек в черной рясе. Перед ним живой стеной стояли люди, жадно ловившие каждое слово священника. Несколько горевших свечей только обозначали пространство, в котором продолжала гневно вибрировать проповедь:

– Люди давно забыли о Боге. Для них комфорт и богатство важнее бессмертия души. Они решили, что научившись клонировать и записывать информацию обо всей своей жизни, они избегут суда Божьего и без Него получают бессмертие. Теперь они молятся не Богу, а Машине. Ибо она им начисляет баллы для получения второй жизни. Они забыли Господа. Но Бог всемогущ и последователен. И Он не допустит, чтобы пренебрегали именем Его и заповедями Его. Как сказано в Священном писании: Бог «воздаст каждому по делам его» И гнев Божий уже настиг тысячи людей, поразив их безумием. Вы собрались здесь и спрашиваете, что делать? – священник обвел взглядом десятки обращенных к нему лиц. – А ответ прост – преданно слушать нашему Господу. Но вы можете сказать – я, мол, и так соблюдаю Божьи заповеди, не забываю молиться. Нет, люди! Этого недостаточно. Ибо Господь судит не только по словам, но и по делам человека. А какие дела сейчас угодны Господу? – и снова полыхающий взгляд на застывшую перед ним толпу. – Вот, видите это, – неожиданно священник вытянул правую руку к толпе и раскрыл ладонь. – У меня на ладони лежит так называемый чип сбора информации, метко прозванный в народе «надсмотрщиком». Это с его помощью машина или то, что официально называется Главным Компьютером, узнает все наши мысли, все движения нашей души. Всё, что раньше принадлежало человеку и Богу, принадлежит теперь и бездушной машине. До чего же пали люди, если ради получения второй жизни из рук машины, жизни без согласия Бога, они без стыда доверяют этой машине даже таинство, творящееся на супружеском ложе?

А жизнь, дарованная не Богом, а машиной, противна Богу. От вас скрывают факты, что среди людей, получивших вторую жизнь, очень высок процент смертей от несчастного случая или, еще страшнее от внезапного слабоумия. Но если от вас это можно скрыть, то от Бога ничего не скроешь. Он всё видит! – с этими словами священник вскинул вверх руку. Собравшиеся, как загипнотизированные подняли глаза. Над ними, в слабом свете свечей, терялся свод церкви. Кое-где смутно угадывались лики святых, сурово, сверху вниз смотревшие на людей.

– Так давайте же, братья и сестры, не словом, а делом покажем, что мы ждем Великой Благодати – вечной жизни только от всемилостивейшего нашего Господа Бога и не верим в дьявольский соблазн – вторую жизнь от машины. Давайте откажемся от этого чипа – пусть наши мысли принадлежат только нам и Богу.

Неожиданно в руке священника оказался крест, и он простер его над стоявшими людьми. Те, словно по команде, попадали на колени. Священник, сойдя с возвышения, подходил к каждому, протягивал крест для поцелуя и произносил: «Да благословит тебя Господь на жизнь вечную и безгрешную».

Поцеловавший крест и получивший благословение вставал с колен и торопливо шел в притвор. Там через небольшую дверь человек выходил к лестнице и спустившись по ней, попадал в помещение, расположенное под землей. Интерьер его резко контрастировал с интерьером церквушки. Огромный, сверкающий белоснежным пластиком, зал. На потолке полыхали мощные бестеневые лампы. Посередине зала стояли пять кресел, напоминающие стоматологические. Рядом с каждым креслом стоял аппарат со множеством кнопок, тумблеров и дисплеем. Еще несколько различных агрегатов располагалось вдоль стен. Иными словами, под расположенной в глухом лесу церквушкой находилась мощная медицинская лаборатория. Каждый прихожанин подходил к столу, стоящему у входа в лабораторию, и ставил подпись на бланке стандартного заявления, в котором он добровольно просил извлечь из его мозга чип сбора информации как противоречащий его религиозным убеждениям. После этого он садился в одно из кресел. Умная электроника мягкими прижимами фиксировала его голову. Посылался короткий радиоимпульс, на который тут же «откликнулся» чип. Мгновение и компьютер с точностью до тысячных долей миллиметра определял месторасположение чипа. Тут же следовал приказ-импульс исполнительному механизму. Штанга с вмонтированным в неё соплом опускалась на точно указанное место. Из крошечного отверстия сопла под огромным давлением вырывалась струя воды с растворенными в ней обезболивающими и антисептическими материалами. Еще пара мгновений и в человеческом черепе появлялось отверстие, диаметром в один миллиметр. Раздавалось легкое жужжание – на штанге поворачивался специальный барабан, и вместо сопла на отверстие нацеливалась тончайшая, пару молекул в диаметре, игла из специального сплава. Точным, коротким движением игла пронзала мягкую, податливую ткань мозга и упиралась в чип. Еще короткий импульс и игла намертво притягивала к себе крохотный чип. И, словно опытный рыбак, умная электроника выдергивала из мозга иглу с уловом на конце. Вновь раздавалось легкое жужжание – игла вновь сменялась соплом. Но теперь вместо воды из него била струя специального полимера, мгновенно затягивающего практически невидимое отверстие в черепе. Вся процедура извлечения чипа занимала не более минуты. За процессом на всех пяти креслах следил один человек, сидящий за дисплеем в углу лаборатории.

Вот первый человек опустился в кресло, второй направлялся в это время к соседнему, а у стола подписывал заявление уже третий прихожанин. Конвейер заработал. «Да благословит тебя Господь на жизнь вечную и безгрешную» – спуск по лестнице вниз – подпись – прижим головы – легкое жужжание и с кресла вставал человек, более не обязанный отчитываться перед Главным Компьютером Организации Объединенный Наций.

Уже более половины пришедших в церковь освободились от чипа сбора информации. Неожиданно входная дверь распахнулась и с десяток людей в камуфляже, в черных пулене-

пробиваемых шлемах с опущенными забралами, с автоматами–парализаторами ворвались в церковь.

– Группа «Кобра»! Всем на пол! Не двигаться! – слова командира, превращенные встроенным в шлем динамиком в рев, заполнили всё помещение.

Спецназовцы действовали четко, по не раз отрепетированному и опробованному сценарию. Пятеро, во главе с командиром, тут же кинулись к двери за алтарем. Остальные пятеро веером ворвались в толпу оцепеневших людей. Пару раз сверкнули заряды парализаторов, сшибая с ног мужчин и женщин. Остальные сами, поспешно стали валиться на пол.

– Остановитесь! Что вы делаете, безбожники! – священник с поднятым над головой крестом кинулся на спецназовца.

Сверкнул парализующий заряд, и человек в черной сутане беззвучно рухнул на пол.

– Ах ты, сука! – двухметровый мужчина в один прыжок оказался перед спецназовцем.

Тот крутанулся на месте, наводя ствол парализатора на нападавшего. Поздно! Толчок левой рукой по стволу и заряд поражает кого-то из толпы. Правая рука, как кувалда, обрушивается сверху, валя спецназовца на пол. Четверо его коллег бросаются ему на помощь, рассчитывая себе путь вспышками выстрелов. Нападавший мужчина с силой опускает свою ногу, обутую в тяжелый армейский ботинок на кисть поверженного спецназовца, сжимающую рукоятку автомата. Раздается хруст и приглушенный вопль из-под шлема. Мгновение, – и парализатор, уже оказавшийся в руках двухметрового мужчины, выплевывает заряд прямо в грудь набегающему спецназовцу.

– Круши гадов! – мужчина, схватив одной рукой падающего врага за грудь и прикрываясь им словно щитом, отстреливается от оставшихся трех спецназовцев.

Другой человек кидается на еще одного спецназовца. Тот с ходу разряжает в него свой парализатор. Мужчина, успев схватить его за шею, валится вместе с ним на пол. И тут же толпа сжимается вокруг оставшихся двоих вооруженных людей. Сжимается, сшибает с ног. Множество рук выдергивают у них парализаторы и тут же заряды впиваются в их тела.

– Братья, а теперь вниз. Там еще пятеро осталось! – мужчина, первый оказавший сопротивление, бежит к двери в притворе. Возбужденная толпа кидается следом. Но тут дверь распаивается сама – оставшиеся наверху спецназовцы по радиации успели запросить помощь. Посланные сразу с двух стволов заряды швыряют мужчину на пол. Вслед за этим в помещении раздаются несколько хлопков – взрываются гранаты с парализующим газом. Через минуту всё кончено – обездвиженных, потерявших сознание людей грузят в прилетевший вертолет и тот, тяжело оторвавшись от земли, берет курс на город.

Разбушевавшийся ветер через распахнутые двери с радостным воем, наконец, врывается в церковь. Пламя свечей дрогнуло и тут же погасло. Церковь погрузилась во мрак. Лишь хлопанье незакрытых дверей нарушает однообразный вой ветра. По небу всё также неторопливо плывут темные тучи...

Объединенная Русь. Украина, г. Киев. Ул. Короленко 17. Рабочий кабинет директора Службы безопасности Украины. Почти за два года до описываемых событий. 16 августа 2188 года. Суббота. 15.15 по местному времени.

Древний Киев красиво раскинулся на берегах широкого Днепра. Многочисленные небоскребы уверенно смотрят в синь неба. По широким улицам мчит бесконечный поток машин, и такой же нескончаемый людской поток течет по тротуарам. Первый день уик-энда набирал силу, чтобы вечером разлиться веселыми мелодиями, цветными лучами лазеров, рисующими в небе праздничные узоры, еще более яркими, чем в будние дни неоновыми огнями вывесок и реклам. За долгие столетия своей истории небольшое поселение, основанное легендарными

братьями Кием, Щеком, Хоривом и сестрой их Лыбидью, пережившее вместе со своей страной бурную, часто драматичную и кровавую историю, историю непростых отношений со своими соседями, превратилось в роскошный, современный мегаполис. Но по-прежнему Богдан Хмельницкий на разгоряченном коне булавой указывает на Москву...

– Не стесняйтесь, Олег Николаевич. Присаживайтесь. Чувствуйте себя, как дома, – прилетевший час назад в Киев Директор Службы безопасности Вадим Александрович Кедрин извинительно улыбнулся собственной шутке.

Вошедший в свой кабинет начальник Службы безопасности Украины, стараясь не смотреть на восседающего за его столом Директора Службы безопасности Объединенной Руси, молча сел в кресло.

– Итак, Олег Николаевич, начнем. Суббота, и хочется побыстрее к семье. Поэтому, как говорится, сразу возьмем быка за рога. Я внимательно ознакомился с делом о происшествии в сельской церкви, недалеко от города Славутич. Вопиющий непрофессионализм. Во-первых. Зачем вы вообще туда полезли? Изучив материалы, я так и не нашел ответа. В этой церкви что, – базировалась какая-то террористическая организация? Или этот батюшка призывал к уничтожению существующего строя? А? Медицинская лаборатория официально зарегистрирована на некоего Пархоменко, хирурга по специальности. И у него есть оформленная по всем правилам лицензия на проведение таких операций. Надеюсь, вы знаете, что извлекать чип сбора информации имеет право любой дееспособный гражданин. Для этого даже не требуется заявления с обоснованием своего поступка.

– Сейчас я всё объясню, Вадим Александрович.

– Да уж постарайтесь, Олег Николаевич. Постарайтесь мне объяснить действия ваших подчиненных, – Кедрин даже не пытался скрыть своего недовольства.

Вытащив из внутреннего кармана пиджака роскошный «Паркер», он стал постукивать им по столу.

– По агентурным каналам, – начал директор СБ Украины, – к нам поступила информация о том, что в этой церкви проводятся массовые собрания, на которых настоятель церкви отец Сергей призывает, если так можно выразиться, к гражданскому неповиновению.

– Конкретнее, Олег Николаевич. Что он призывал делать?

– Он призывал к тому, чтобы отказывались от своих чипов сбора информации.

– И это, вы считаете, можно квалифицировать как призыв к гражданскому неповиновению? Кстати, хочу вам напомнить, уважаемый Олег Николаевич, что далеко не всякие акты гражданского неповиновения уголовно наказуемы.

– Человек без чипа становится социально более опасным.

– А остальные, получается, менее опасны? По вашему – каждый человек в принципе представляет некоторую угрозу социуму?

– А разве нет? – глава украинской СБ Олег Николаевич Пустовойтенко, чуть прищурившись, посмотрел на своего непосредственного начальника.

Тот, выдержав взгляд, после секундной паузы согласился:

– Ну, допустим. Допустим, что каждый человек потенциально опасен обществу. Ибо в каждом из нас заложен дух независимости. А государство, даже самое демократическое, как ни крути, часть этой независимости забирает.

– Именно это я имел в виду.

– Но объясните, как удаление чипа сбора информации делает человека более опасным?

– Очень просто, Вадим Александрович. Чего современному человеку не хватает? Да всё у него есть. Он может вкусно кушать. Он имеет современную, благоустроенную квартиру, начиненную всеми мыслимыми достижениями бытовой электроники. Домашний робот предложит вам сотни меню, учитывающих все достижения диетологии и склонности вашего желудка.

Хочешь посмотреть боевичок? И что б главным героем была длинноногая блондинка? Зайди в интерактивное меню, создай свой сценарий и вставь голографический образ себя любимого в фильм. – Пустовойтенко ослабил узел галстука. – Вадим Александрович, человечество ожирело. Вернее, его белая часть. Сейчас, даже не занимаясь никаким трудом, можно жить припеваючи. Чем это может кончиться, не мне вам объяснять. Я, например, не представляю как, не применяя силу против китайцев, удержать в составе Объединенной Руси Сибирь и Дальний Восток. А это две трети всей территории государства. И вторая жизнь – это существенный стимул чаще отрывать свою задницу от кресла. А уж если человек добровольно отказывается от чипа сбора информации, то есть от возможности получить вторую жизнь, то ему вообще на всё начхать. Такие становятся либо трутнями, либо, что бы как-то разнообразить свою жизнь могут перейти к ...гм... активным противоправным действиям.

– Логичнее предположить, что активные постараются себя реализовать законными способами и завоевать вторую жизнь.

– Этот путь труднее, дольше и не приводит к таким концентрированным ощущениям. Одно дело – построить дом. Надо знать как. Это сравнительно долгий процесс, и все эмоции размазываются во времени. Другое дело – его взорвать. Ума большого не надо. Мгновенно бах и ты, именно ты в доли секунды уничтожил труд сотен людей. Тут эмоции посильнее будут.

– По-вашему, Олег Николаевич, снятие чипа уменьшает стабильность государства. Так что ли? – ручка в руке Директора службы безопасности с силой стукнула по столу.

– В самую точку, Вадим Александрович.

– Поэтому вы так грубо и наехали на священника?

– Может, это было и не совсем законно, но стабильность государства превыше всего. По-моему, Вадим Александрович, именно в обеспечении стабильности государства и заключается наша работа.

– А увечья, полученные вашими людьми в ходе захвата церкви, – Кедрин чуть иронично улыбнулся, – тоже были частью плана? Что бы, так сказать, усилить ваш аргумент насчет того, что люди, снявшие чип, переходят к активным противоправным действиям.

– Увы, Вадим Александрович, наша работа не предполагает белых перчаток.

– Иными словами, мужчина, оказавший активное сопротивление бойцам «Кобры» и покалечивший одного из них...

– Является капитаном данного подразделения.

– Вы знаете, Олег Николаевич, пока я летел сюда из Москвы, я хотел просить Президента Украины снять вас с работы.

– Я знаю, Вадим Александрович. Мне господин Грушенко сообщил о вашем телефонном разговоре с ним и о вашей просьбе.

– И, как вы знаете, он мне отказал.

– Он вам предложил лично побеседовать со мной, а потом, если необходимость в этом останется, вновь обратиться к нему с этой просьбой.

– Вы правы. Так точнее. И после нашего разговора, – Директор Службы безопасности Объединенной Руси сделал паузу, задумчиво рассматривая ручку в своей руке, – я рад, что наша Конституция не позволяет мне снимать с должности глав национальных управлений служб безопасности, – Кедрин, наконец, поднял глаза и взглянул на Пустовойтенко.

– Я тоже рад, Вадим Александрович, что в вашем лице нашел понимание своей точки зрения.

– Но священника придется отпустить.

– Конечно. Извинимся. Мол, ошибка вышла. Думали, что создана антигосударственная организация. Не знаю, сделал ли он надлежащие выводы, но, по крайней мере, чипы он долго уже не сможет извлекать.

– А что так?

– Знаете, в его подземной лаборатории случился пожар. Всё сгорело, – Пустовойтенко скупо улыбнулся.

– Бывает, – в ответ улыбнулся Кедрин. – Ну, всего хорошего, Олег Николаевич. Занимайте свое руководящее кресло, а мне пора в Москву, – с этими словами Директор Службы безопасности встал из-за стола.

– Спасибо, Вадим Александрович, – и уже как полноправный хозяин кабинета отдал распоряжение по внутренней связи:

– Охрану для господина Кедрина к выходу на вертолетную площадку.

Вертолет с Директором Службы безопасности Объединенной Руси, легко оторвавшись от бетонной площадки на крыше Управления Службы безопасности Украины и выдвинув из фюзеляжа треугольные крылья, казалось, прыжком исчез в синеве неба. Через сорок минут Кедрин уже был у себя в рабочем кабинете.

«Нет, Кедрин, ты не так прост, чтобы безоговорочно поверить моим словам. Ты что-то учуял и пойдешь по следу, – глава Службы безопасности Украины спускался в лифте с вертолетной площадки к себе в кабинет. – Недаром за тобой еще со времен учебы в Высшей школе службы безопасности закрепилась кличка «Такса». Собака, предназначенная для охоты на хитрых лисиц».

И уже в кабинете, Пустовойтенко неожиданно даже для себя подумал: «А я ведь, пожалуй, мог легко устроить катастрофу правительственному вертолету».

Объединенная Русь. Россия. Москва. Лубянка 26. Кабинет Директора Службы безопасности. Почти за два года до описываемых событий. 16 августа 2188 года. Суббота. 17. 05 по местному времени.

– Северского ко мне, – коротко бросил Кедрин своему секретарю, едва сев за свой рабочий стол после прилета из Киева.

«Что-то ты скрываешь от меня господин Пустовойтенко, – Директор Службы безопасности вновь задумчиво вертел «Паркер» в своих руках. – Вот только что?»

– Северский прибыл, – по внутренней связи доложил секретарь.

– Пусть войдет.

Через несколько секунд дверь распахнулась.

– Вызывали, господин Директор?

– Присаживайся Игорь. Я, кажется, нашел тебе неистового. Прочти вот это, – Кедрин протянул полковнику службы безопасности папку.

Тот раскрыл ее и быстро заскользил глазами по тексту.

– Об этом священнике необходимо собрать более полную информацию, – Северский закрыл папку и положил её на стол. – Но навскидку – кандидатура хорошая.

– Даю тебе на это время до завтрашнего утра. Можешь идти.

– Слушаюсь, господин Директор.

Едва секретарь Кедрина проводил взглядом Северского, как вновь коротко звякнул телефон внутренней связи.

– Новосельцева ко мне, – коротко раздалось из телефона.

– Вызывали, Вадим Александрович, – полный, невысокий, похожий на колобок Сергей Ефимович Новосельцев уже через минуту вкатился в кабинет своего шефа.

Несмотря на столь откровенно невпечатляющий вид, Новосельцева в Службе безопасности опасались все. Еще бы. Толстенький, вечно улыбающийся, с чрезвычайно подвижной мимикой лица генерал-майор службы безопасности возглавлял одно из самых засекреченных подразделений службы безопасности – отдел внутренней безопасности.

– Сергей Ефимович. Мне срочно все материалы по Киеву за... – Директор Службы безопасности на мгновение задумался, – пожалуй за последний год.

– Слушаюсь, Вадим Александрович. Через полчаса материалы будут у вас.

– И вот еще что. Возьмите этот «Паркер» и прогоните его через наш центральный компьютер.

Новосельцев мгновенно подкатился к столу Кедрина и взял авторучку:

– Что, опробовали, Вадим Александрович? Более компактного детектора лжи нет даже у американцев!

– Выжмите с этого «Паркера» всё. Малейшее изменение тембра голоса моего собеседника, чуть уловимое движение его век, малейшее учащение его пульса и изменение сопротивления кожи его лица должно быть объяснено.

– Для этого у нас должна быть его подробная психофизиологическая карточка.

– Она у вас есть. Пустовойтенко Олег Николаевич. Директор Службы безопасности Украины. За час успеете?

– Будет сделано, господин Директор, – с лица начальника отдела внутренней безопасности, казалось, ни на миг не исчезало выражение полнейшего добродушия.

Ровно в полночь Кедрин соединился с приемной Президента Объединенной Руси.

– Господин Президент находится сейчас в своей загородной резиденции, – сообщили из Кремля. – Вас записать к нему на прием?

– Обязательно.

Объединенная Русь. Украина. Киев. Мариинский дворец. Рабочий кабинет Президента Украины. Почти за два года до описываемых событий. 16 августа 2188 года. Суббота. 22 часа 55 минут. Время местное.

На черном небе сверкали звезды. Среди них желтой тарелкой светилась Луна. А под ними, отражая их на своей широкой поверхности, неторопливо тек Днепр. Изредка, где-то на середине реки слышался тихий всплеск – какая-нибудь любопытная рыба всплывала на поверхность, решив полюбоваться открывающимся великолепием. И вновь звенящая летняя тишина. Действительно, тиха украинская ночь.

В окнах второго этажа красивого дворца, стоящего на высоком днепровском берегу, горит свет.

– Так ты думаешь, Олег, что Такса что-то почуяла? – Президент Украины вопросительно посмотрел на Пустовойтенко.

– Недаром он получил это прозвище. Я Кедрина знаю еще с курсантских лет, когда мы вместе учились в Высшей школе Службы безопасности. Кедрин был бы не Кедриным, если бы с ходу поверил всему, что я ему сегодня наговорил.

– И что он, по-твоему, предпримет?

– Он, конечно, в Москве попытается выжать максимум информации из разговора со мной. Но много он вряд ли накопает. Вот если бы он усадил меня в кресло полиграфа, тогда другое дело, – Директор СБУ чуть улыбнулся, – а так анализ записи, которую он наверняка сделал своим «Паркером», мало что даст. Поэтому, скорее всего он напряжет своего Колобка. А тот пусть роет. Я позабочусь – много не нароет. Меня только одно беспокоит – зачем Кедрин вообще прилетал в Киев? Ну прищемили мы какого-то сельского священника. Что, это заслуживает внимания самого Директора Службы безопасности Объединенной Руси?

– А как он вообще узнал об этом случае?

– Да есть у меня в Управлении его человечек, – и, отвечая на удивленный взгляд хозяина кабинета, Директор СБУ пояснил, – лучше знать его людей здесь и держать под контролем, чем убрать, а потом вычислять очередного «крота».

– До выборов Президента Объединенной Руси осталось меньше трёх лет. Мне, Олег, нужно, чтобы о наших планах Орлов не узнал хотя бы еще год. За это время мы так раскрутим свое движение, что потом он просто не успеет что-либо эффективное предпринять.

– Постараюсь, Владимир Владимирович.

Напольные часы звучно пробили двадцать три часа.

– А в Москве уже полночь, – Президент Украины Владимир Владимирович Грушенко задумчиво посмотрел в окно.

– Вы думаете, что сейчас делает Орлов?

– Нет, я думаю, что сейчас делает Такса.

На несколько минут в кабинете Президента Украины повисла тишина.

– Священника освободить. Негласно помочь ему возродить свою медицинскую лабораторию, – прервал молчание Президент Украины.

– Его лаборатория уже перевезена в Киев. На первых порах мы организуем доставку людей из его церкви в лабораторию. А через месяц другой, организуем уже в самом Киеве церковь для отца Сергия. Пора разворачиваться.

– Организуй утечку информации об инциденте со священником в прессу. Причем, чтобы в оппозиционных газетах четко прозвучала мысль, что священника наказали за то, что он осуждает существующее разделение граждан на смертных и бессмертных. Что это только прерогатива Бога.

– Будет сделано, – кивнул головой Пустовойтенко.

– Как там создание оппозиционного канала на телевидении? Через месяц отца Сергия пора запускать в эфир.

– Несмотря на бешеное, – Пустовойтенко иронией выделил последнее слово, – сопротивление чиновников, я уверен, что через месяц канал «Слово» будет.

– Хорошо. И вот еще что. Усиьте негласную охрану отца Сергия. А то еще какие-нибудь придурки и на самом деле постараются его устранить.

– Обязательно, Владимир Владимирович.

Президент Украины взглядом показал на зеленый огонек работающего индикатора контроля блокирования информации. Его собеседник посмотрел туда же. Они понимали друг друга.

Объединенная Русь. Россия. Загородная резиденция Президента Объединенной Руси «Ново-Огарево». Почти за два года до описываемых событий. 17 августа 2188 года. Воскресенье. 8.40 по местному времени.

По виду раскрашенный веселой зеленой краской высокий забор ограждал от любопытных глаз и пронырливых мальчишек жилище осторожного и крепкого хозяина. Но это только по виду. На самом деле забор был высокопрочной броней, способной, не поморщившись, выдержать удар с полного хода семидесятитонного танка. Затейливо выполненные поперку заборави завитушки были элементами охранной системы, способной обнаружить даже мышь. Даже комар, пересекавший невидимую линию, ставился компьютером системы на персональный учет. И не дай бог, если система решит, что пытающийся попасть за «веселенький» заборчик объект представляет опасность. Крупнокалиберные пулеметы – это самое безобидное, что охранная система могла предложить непрошенному визитеру. А так меню было разнообразно – многокиловольтный ток, высокочастотное электромагнитное поле, способное вскипятить биологическое существо изнутри. Более массивному «гостю» предлагались кумулятивные

снаряды под урановой оболочкой и многое-многое другое. За зеленым забором располагалась ближняя загородная резиденция Президента Объединенной Руси.

Подъехавший к воротам черный, массивный лимузин был беспрепятственно пропущен. Встроенная в него система распознавания «свой – чужой» без запинки ответила на поставленные охранной системой вопросы.

– Если главный шпион страны просит встречи с Президентом, то последний обязан немедленно принять его, невзирая ни на что. Пусть даже это воскресенье, или у главы государства расстройство желудка, – Президент Объединенной Руси вышел из-за стола и протянул руку вошедшему в кабинет Кедрину.

– Если у господина Президента расстройство желудка, то гнать надо либо медиков, либо меня. Если расстройство по болезни – то медиков. По всем остальным причинам – меня, – Кедрин пожал протянутую руку.

– Вот так, сидя на очке и указ подписать?

– А почему бы и нет? Можно и без стола обойтись.

Мужчины рассмеялись.

– Так что случилось, Вадим Александрович? – Орлов сев на стоящий у стены диван, жестом пригласил Кедрина сесть рядом.

– По-моему, господин Грушенко начал предвыборную кампанию.

– Вот как! И что заставляет вас так думать, Вадим Александрович?

– Анализ некоторых событий, – и, не тратя время на ожидание тривиального вопроса «Каких?», тут же продолжил. – Позавчера из Киева, из Службы безопасности Украины ко мне поступила информация, что мои украинские коллеги провели спецоперацию против одного сельского священника. Они направили в церковь, где он служил, группу захвата «Кобра». Те устроили там большой там-тара-рам, арестовали попа и вроде бы уничтожили находившуюся под церковью медицинскую лабораторию, где любой желающий в течение минуты мог извлечь из своего мозга чип сбора информации.

– У сельского священника имела такая лаборатория? – удивленно спросил Президент.

– Именно так.

– Но в принципе священник ничего предосудительного не совершал. По закону чип может извлечь из своего мозга любой желающий. Или у него не было лицензии на такой вид деятельности?

– Лаборатория была зарегистрирована на некоего врача Пархоменко и лицензия оформлена по всем правилам.

– И как же объяснили ваши коллеги свои действия?

– Вот распечатка моего разговора с главой Службы безопасности Украины господином Пустовойтенко. Ключевые места разговора я выделил, – с этими словами Кедрин передал Орлову ноутбук, выполненный в виде тонкой папки.

– И что тебя так взволновало? – прочитав текст на экране, Президент закрыл ноутбук. – В его словах есть резон.

– Господин Президент, ознакомьтесь, пожалуйста, со следующим документом, – Кедрин вновь раскрыл ноутбук и нажал на одну из кнопок.

– Что это?

– Это психофизиологический анализ состояния Пустовойтенко во время разговора со мной.

– Это как на детекторе лжи?

– Так точно, – кивнул головой Кедрин.

– Как же вы сумели его в такое кресло усадить?

– У меня есть свои профессиональные секреты.

– Так-так. Что же мы имеем? – Орлов вновь повел глазами по тексту. – Когда он говорил, что информация по церкви получена агентурным способом – вероятность достоверности сказанного восемьдесят пять процентов.

– Это низший предел достоверности. Если восемьдесят пять и выше, считается, что человек говорит правду.

– Далее он рассуждает о социальной опасности людей, снявших чипы сбора информации. Вероятность шестьдесят пять процентов.

– Человек сознательно что-то не договаривает. Немного, но не договаривает, – продолжал комментировать Кедрин.

– О, а его фраза: «Может, это было и не совсем законно, но стабильность государства превыше всего. По-моему, Вадим Александрович, именно в обеспечении стабильности государства и заключается наша работа» правдива на двадцать пять процентов, – Президент перевел взгляд на Кедрину.

– Так как это один из самых низких процентов достоверности во всем разговоре, господин Президент, специалисты по психофизиоанализу более подробно ее прокомментировали. Вот их выводы. По сути, это две фразы. Одна – подтверждение того, что именно из-за выше перечисленных им в разговоре доводов он провел акцию против священника. Другая – констатация целей работы службы безопасности. Так вот, существует большая вероятность того, что вторая фраза практически правдива. И так как она звучала на одну целую и две десятых секунды больше, то ее, так называемый, психофизиологический фон «наехал» на фон первой фразы. И суммарный фон получился двадцать пять процентов. А достоверность первой фразы может быть ноль процентов. Абсолютная ложь.

– Ясно, – Президент Объединенной Руси потер лоб и вновь углубился в чтение. – Далее достоверность практически колеблется около девяноста процентов. А вот насчет пожара и уничтожения лаборатории господин Пустовойтенко соврал – пять процентов достоверности. И что же ваши специалисты говорят по этой фразе?

– Это или полная ложь – то есть, лаборатория находится там, где и находилась. В целостности и сохранности. Или она находится в целостности и сохранности, но в другом месте. Я думаю, вернее второй вариант.

– Ну, и какие выводы можно сделать из всего анализа этого разговора?

– Я уже сообщил вам свой вывод. Господин Грушенко начал предвыборную борьбу за пост Президента Объединенной Руси.

– Поясни, – коротко бросил глава государства.

– На неизвестного священника «наезжает» спецслужба. Для чего? Нам говорят – для устрашения. И приводят кучу, в общем-то, правильных доводов. Психофизиологический анализ разговора показывает, что ключевая фраза, то есть утверждение, что да, именно из-за того и того мы «наехали» на бедного попика, абсолютная ложь. Спрашивается, какой есть еще мотив? Личный? Ну, это для господина Пустовойтенко несерьезно. Целая группа захвата «Кобра» и беззащитный попик. Да еще у многих на виду. Анализируя ход операции, время ее проведения и «несчастье» с одним из «посетителей» церкви можно сделать вывод, что, наоборот, операция планировалась для популяризации личности священника, героизации его облика. Идет против власти! Защищая его, простые люди рисковали жизнью и свободой. Если я прав, то в скором времени, может даже сегодня, в украинских газетах мы найдем материал по этой «секретной» операции. С соответствующей трактовкой.

– А этот священник настоящий? Может он тоже, как тот супермен, оказавший сопротивление спецназовцам, работник спецслужб?

– Нет, священник самый настоящий. Весьма любопытная личность. В следующем файле его биография.

Орлов открыл следующий файл и быстро заскользил глазами по тексту:

– Действительно любопытная личность. Выпускник Одесской духовной семинарии. Как весьма одаренная личность получил должность секретаря в аппарате митрополита Киевского Филимона. Через два года, во время пасхи прикрепил к дверям Софиевского храма памфлет с двадцатью вопросами к служителям Церкви. Привлечен к церковному суду. Там он каяться решительно отказался. Вместо покаяния вызвал на диспут самого Филимона. За это был отлучен от церкви. Ушел из Киева. В районе города Славутич своими руками построил скит и стал проповедовать. Через пять лет уже силами прихожан построил церковь. Год назад основал у себя медицинскую лабораторию, где всем желающим удаляют из мозга чип сбора информации. Основной тезис его проповедей – бессмертие дается лишь Богом. Вторая жизнь, которую получают в результате научно-технического прогресса – это аморально по отношению к Богу и к остальным людям. И получившие ее ответят на Страшном Суде.

– По-моему в личности этого отца Сергия и есть объяснение действий Києва, – вновь заговорил Кедрин.

– Я уже тоже начал догадываться. При помощи этого священника Грушенко хочет упорядочить, усилить и возглавить движение по добровольному извлечению чипов из мозга людей.

– Именно так, господин Президент. Хотим мы этого или нет, общество постепенно стало раскалываться на два лагеря. Мир простых смертных и мир бессмертных. И между ними возникает противоречие посильнее, чем противоречие между богатыми и бедными. И богатый, и бедный проживали одну жизнь. И любой бедняк мог утешить себя мыслью, что его богатый сосед на тот свет богатство не унесет, что перед смертью все равны. Плюс религия проводила определенное анестезирующее воздействие, внушая, что Рай – награда за праведность в земной жизни. И об ушке.

– О каком ушке? – Орлов вскинул удивленный взгляд на Кедрина.

– Об игольном, господин Президент, – невозмутимо ответил тот, – через которое легче протащить верблюда, чем богачу попасть в рай. Но с техническим прогрессом ослабевают вера в Бога, а благосостояние растет. И для большинства населения, я имею в виду европейцев и североамериканцев, рай в принципе уже наступил. Вот только этот рай не вечен. Он заканчивается в момент смерти. Но появляются люди, для которых этот рай становится в принципе вечным. Как вы думаете, как к ним относятся остальные? – Кедрин вопросительно посмотрел на Президента, и затем сам ответил, – пока со скрытым недовольством. Я подчеркиваю – пока. Тем более нет стабилизирующего фактора среднего класса. Сейчас в мире, как в неустойчивом сообществе – кучка бессмертных и оставшееся большинство смертных.

– Тебя послушать, так действия Грушенко единственно правильные. Обратив недовольство подавляющего большинства в мирное русло. Законно добиться власти и декретом запретить вторую жизнь.

– Может и не единственно правильные, но в определенной логике ему не откажешь. Если он выступит как лидер движения за одну жизнь, да еще и публично откажется от чипа сбора информации, то он может стать президентом Руси. Учитывая, что его должность практически гарантирует ему вторую жизнь, то отказ от неё – самого ценного, что есть у человека, это поступок, который оценят многие.

– Что ты предлагаешь? – после долгой паузы спросил Президент.

– Я, честно говоря, вижу два выхода. Даже три. Первый – самому попытаться возглавить это движение, – и твердо взглянув Президенту в глаза, добавил, – со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая отказ от бессмертия. Второй путь – оставить всё, как есть. Сейчас трудно прогнозировать. Может, движение «за одну жизнь» и не станет таким популярным. А самим тоже подумать о каком-нибудь привлекательном лозунге.

– А какой же третий?

– Если выводы академика Хохлова верны и наша экспедиция в гиперпространство закончится успешно...

– Под словом успешно ты подразумеваешь контакт с Высшим Разумом? – переспросил Орлов.

– Под словом успешно я подразумеваю контакт с Богом. И вы будете Президентом страны, осуществившей столь эпохальное событие. Скажу больше. Вернувшийся оттуда наш соотечественник вполне может оказаться настоящим Мессией. И вам только останется, скажем так, прислушиваться к его словам. А точнее, к словам Бога. Против этого вашим политическим оппонентам будет трудно что-либо противопоставить.

– Не забывай, что проект «Пора» еще не утвержден Советом Президентов.

– Я думаю, они утвердят.

– Почему такая уверенность?

– А вы, господин Президент, скажете им, что, как Президент России, заявляете, что Россия и сама может потянуть этот проект. Но тогда, в случае удачи, все дивиденды вы будете распределять лично, без всякого Президентского Совета. А еще скажете, что после полета стенограмма этого Президентского Совета будет опубликована. Как потерявшая всякую секретность.

– Хитер, – Президент улыбнулся.

– Не без этого!

– А если всё закончится неудачей? – как бы в шутку, продолжая улыбаться, спросил Орлов.

Кедрин на секунду задумался:

– Что ж, тогда у вас еще остается целых два выхода, – наконец сказал он.

– Мессия для Руси – это было бы неплохо, – после паузы задумчиво произнес Президент.

– Неплохо. Хотя евреи, как известно, своего Мессию распяли руками римских легионеров.

– Мы будем умнее!

– Сильно сказано!

– Ну, а как идут дела по подбору кандидатов в Мессию? – по тону вопроса Директор Службы безопасности понял, что третьему предложенному им варианту Президент явно отдает предпочтение.

Глава 4. Кандидаты на Мессию.

И Мессии с нетерпением ждут своего прихода.

Станислав Ежи Лец

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 30 апреля 2190 года. Пятница. 15.15 по СЕВ.

Приглушенный звук сирены проник во все уголки лунной базы «Восток». Звук был спокойный. Не тот, который оглушающим, леденящим душу ударом врывается в уши, и кажется, что не динамики громкой связи орут: «Внимание! Разгерметизация базы! Внимание! Разгерметизация базы!», а буквально каждая клеточка твоего тела, сразу ставшего таким беззащитным, вопит об этом. Нет, звук был привычный, деловой – на базе открылись наружные двери главной шлюзовой камеры. Полчаса тому назад на космодроме приземлился корабль с Земли. И вот уже пассажиры и экипаж с этого корабля на вездеходе въезжают на базу.

Факс, пришедший позавчера Богомазову из Центра управления космическими базами, был предельно лаконичен:

«30 апреля в 14.45 по СЕВ к вам прибывает «Гермес – 8». На борту – два члена экипажа и два дублера корабля «Прорыв». Обеспечьте размещение и проживание. Цели и задачи их

пребывания на базе у старшего группы майора Военно-космического флота Олега Анатольевича Титрова. Подпись: Начальник Центра управления космическими базами генерал-майор С.А. Скворцов».

Со дня инспектирования базы американцами прошло две недели. В течение этого времени всё текло как обычно. Почти сразу получив разрешение на возобновление работ по сборке гиперпространственного корабля, вся база с головой окунулась в эту работу. И лишь иногда, в перерывах между оперативками и совещаниями, остывая от бушевавших на них страстей или наблюдая за неспешной, кропотливой работой монтажников начальник лунной базы «Восток» думал: «А ведь среди этих людей есть предатель, который, может быть, каждое утро, полдень и вечер докладывает мне о тех или иных работах, за которые он отвечает, ругается с коллегами по многочисленным производственным вопросам, а потом стучит американцам. А Кедрин даже не шевелится. Пообещал вычислить «крота», так до сих пор и вычисляет. Ну да ладно. Мое дело вовремя и качественно собрать корабль. Вот за это я отвечаю, и за это с меня спросят», – и Богомазов вновь окунулся в бесконечный водоворот дел.

И вот этот корабль с Земли. В принципе, ничего необычного в этом не было. Экипаж, непосредственно присутствуя при сборке, до тонкостей узнает корабль, на котором ему предстоит лететь, обживет его и, если надо, попросит что-то изменить. По мелочам конечно. Но как часто такие мелочи оказывались именно той последней каплей из-за которой корабль шел на дно. Вернее навсегда и бесследно исчезал в холодных глубинах Космоса.

Но что-то не давало покоя Богомазову. Что-то было не так. И лишь, находясь в сборочном цехе, где по традиции будущий экипаж космического корабля приветствовали все сотрудники базы, он понял причину своего беспокойства. Среди толпы улыбающихся людей Богомазову неожиданно в голову пришла мысль: «А ведь очень скоро о прибытии будущего экипажа узнают американцы». Почему это крайне нежелательно, начальник базы и сам себе не смог бы объяснить. Ну, прибыл будущий экипаж очередного космического корабля. Делов то. Так уже было десятки раз. Но вновь, как и в разговоре по видеофону с Кедриним, полковник почувствовал, что человек или люди, готовившиеся к прыжку в гипер должны быть необычными. Нет, не в плане личного мужества и храбрости. Это само собой разумеется. Что-то в них должно быть еще. Вот только что, он никак не мог сформулировать. Что-то копошилось в голове, никак не сбивавшееся в мысль. И это немного раздражало. Как иногда напоминающее о себе легкой болью в груди сердце.

«Служба безопасности у нас вообще мышей не ловит, – улыбаясь и произнося приветственную речь, чуть раздраженно думал Богомазов, – Умные хозяева как поступают? Сначала от мышей избавляются, а потом только запасы в погреб складывают».

Но Служба безопасности мышей ловила. Это Богомазов понял, едва он и Титров остались одни в крохотном кабинете.

– Разрешите представиться еще раз – майор Службы безопасности Титров.

– А я уже было подумал, что Кедрин перестал ловить мышей, – Семен Петрович неожиданно для себя легко рассмеялся.

– Нет, Директор Службы безопасности ловить мышей не перестал, впрочем, и крыс тоже, – невысокий, крепко сбитый майор службы безопасности скупой улыбнулся.

«А ведь это волкодав. Если надо, клацнет челюстями – не подавится», – глядя в спокойные серые глаза собеседника, подумал Богомазов. Он вспомнил, как в детстве мечтал стать разведчиком.

«И пришлось бы вот так, чуть улыбаясь, людей убивать. Нет уж. Уж лучше космические корабли собирать».

– А трое из вашей группы тоже из Службы безопасности?

– Да.

– И как я должен вам помогать?

– Вести себя обычно, как и раньше. Если я не ошибаюсь, у вас завтра по план-графику предстоит большой объем профилактических работ вне базы?

– Да. Надо заменить кое-какие блоки в системе энергоснабжения, у которых вышел срок эксплуатации.

– Вот и отлично. И вот еще что. Сегодня ночью мои люди установят кое-какую аппаратуру в вашем кабинете.

– Делайте всё, что необходимо.

– Вот и отлично.

«Кедрин таки вычислил «крота» ... или почти вычислил. Без конкретного плана он своих людей бы не прислал. Да и этот вопрос насчет завтрашних работ. Нет, план по поимке предателя уже есть. И по скорой поимке. По идее сюда уже пора присылать и настоящий экипаж, – Богомазов сидел за своим столом и смотрел на дверь, через которую только что вышел Титров. – Интересно, так кто же он?» – уже в который раз начальник базы задавал себе этот вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.